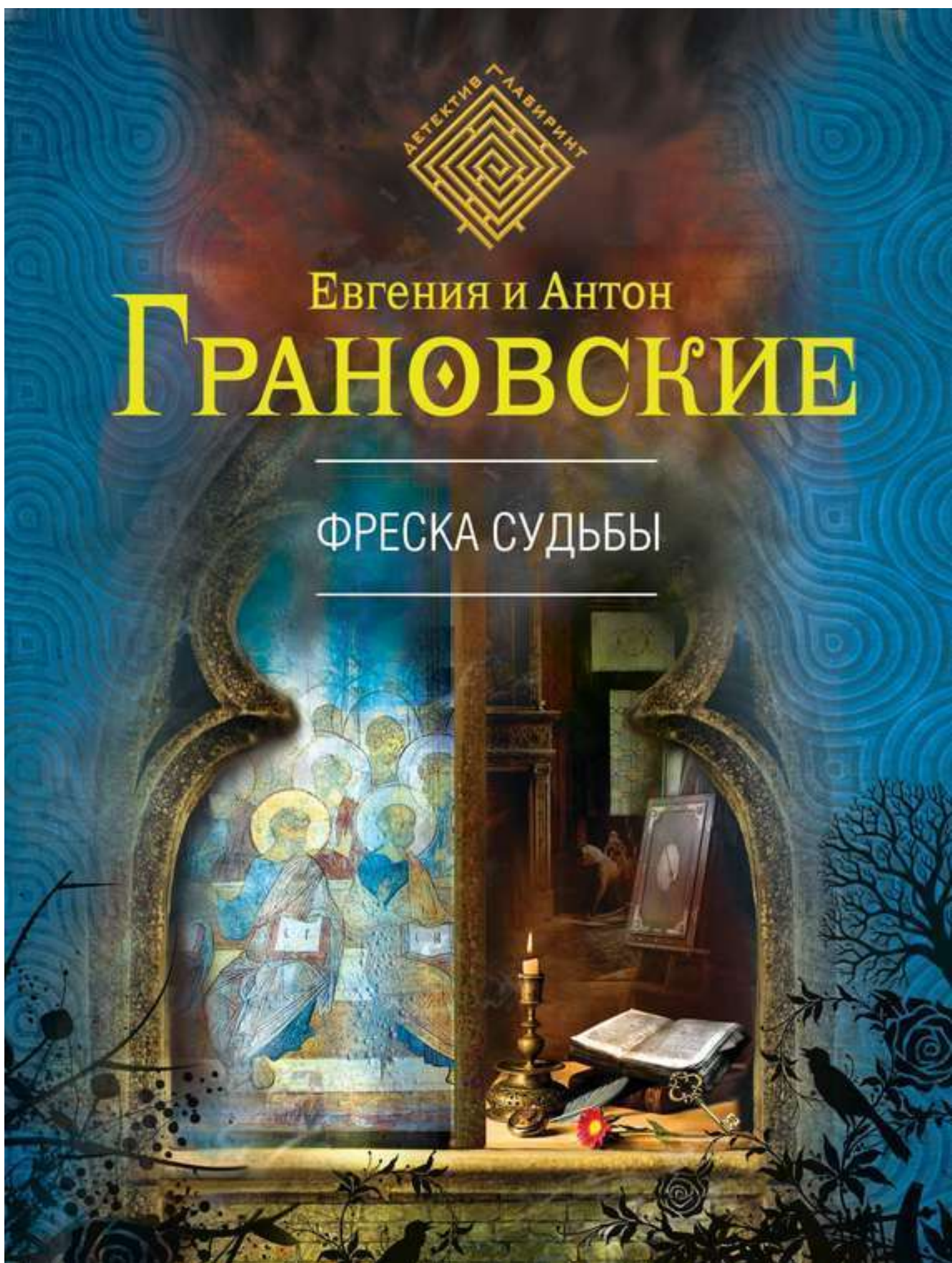

Евгения и Антон
ГРАНОВСКИЕ

ФРЕСКА СУДЬБЫ

Марго Ленская и дьякон Андрей Берсенов

Антон Грановский

Фреска судьбы

«ЭКСМО»

2011

Грановский А.

Фреска судьбы / А. Грановский — «Эксмо», 2011 — (Марго Ленская и дьякон Андрей Берсенов)

ISBN 978-5-699-73824-3

Открытие, к которому профессор Тихомиров пришел после двух лет упорной работы, обещало стать сенсацией – он наконец-то догадался, почему были уничтожены фрески Андрея Рублева, когда-то украшавшие Спасский собор Андроникова монастыря. Ученый предвкушал, как его книга произведет эффект разорвавшейся бомбы, но чувствовал, что ввязался в рискованное дело, угрожающее его жизни. И предчувствие не обмануло – Тихомирова убили, а рукопись его книги исчезла... Незадолго до смерти историк сумел передать призыв о помощи и оставить три подсказки, которые помогут раскрыть тайну. Они попали в руки журналистки Марго Ленской и дьякона Андрея Берсенева. Увлечшись загадкой профессора, они вскоре поняли: речь идет об артефакте, который может перевернуть всю историю человечества...

ISBN 978-5-699-73824-3

© Грановский А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	5
1. Вздорный профессор	7
2. Таинственные знаки	17
3. Человек с далматинцем	29
4. Решение головоломки	40
5. Великолепная четверка	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Евгения и Антон Грановские

Фреска судьбы

*Все вещи в мире представляют собой шифр. Вся природа является
просто шифром и секретным письмом.
Блез Виженер «Трактат о шифрах»*

*Волхвы не боятся могучих владык.
А.С. Пушкин*

Пролог

Погода была скверная. Моросил легкий дождик, и майору УГРО Синицыну, на котором в отличие от его молодого коллеги не было головного убора, приходилось вжимать голову в плечи, дабы уберечься от холодных капель, норовивших закатиться за воротник. Когда это не помогало, Синицын сердито поводил плечами и произносил недовольным голосом:

– Дерьмо, а не погода.

Никто из оперативников с ним не спорил – глупо отрицать очевидное.

Майор Синицын был невысоким, лысеющим человеком с усталым лицом и ухоженными черными усами, которые, судя по их длине и пушистости, призваны были компенсировать недостаток растительности на голове.

Подрагивая от пронизывающего ночного ветра и переминаясь с ноги на ногу, оперативники уныло составляли протокол осмотра места происшествия. А место было, прямо скажем, дрянное. Под ногами – грязь, впереди, прямо перед капотом увязшей в грязи машины, – обрыв, ведущий к кромке воды, черным гудроном мерцающей внизу. Того и гляди соскользнешь в темноте с крутого берега и сломаешь себе шею.

Машина – «Лада» девятой модели – стояла с открытыми дверцами.

– Астахов, посвети сюда! – мрачно приказал майор Синицын.

Лейтенант Астахов направил луч фонаря в салон машины.

– Тэк-с, – проговорил майор, оглядывая салон «девятки» цепким взглядом старого сыщика. – Записывай. На сиденье водителя большое темное пятно... Предположительно крови. – Синицын всунул голову в салон машины и прищурил тяжелые веки. – А тут у нас что?.. Твою мать! – выругался он вдруг. – Астахов, пиши. Три отрезанных или отрубленных человеческих пальца. Записал?

– Угу.

Синицын зябко передернул мокрыми плечами, вытряхнул из пачки сигарету и закурил. Теплее ему от этого не стало. Из темноты как черт из табакерки вынырнул молодой оперативник с возбужденным лицом.

– Товарищ майор, только что выяснили: машина принадлежит профессору Тихомирову Аскольду Витальевичу.

– Профессору? – Синицын вынул изо рта дымящуюся сигарету и почесал ногтем нахмуренный лоб. – Какого черта он здесь делал? И в такой час! До города два часа пилить.

– Может, на рыбалку приехал? – предположил молодой оперативник.

– С тростью вместо удочки? – с убийственным сарказмом поинтересовался Синицын.

– А кто их, ученых, знает, – пожал плечами молодой. – Все ученые – чудаки.

– Но не сумасшедшие. Кто нашел машину?

– Рыбаки и нашли. Приехали сюда на «вечернюю зорьку». Они ждут в машине.

Из-за сизой тучи выбралась ущербная луна, и стало немного светлее. К Сiniцыну подошел пожилой эксперт:

– Иван Палыч, пальчики-то того... откушены.

– Откушены? – Левая бровь майора поползла кверху. – Как откушены? Кто же это мог их откусить?

– Полагаю, что человек, – ответил судмедэксперт.

Майор метнул в него недовольный взгляд, и тот поспешно пояснил:

– Не зубами, конечно. Кусачками. Судя по всему, Тихомирова пытали.

– Товарищ майор! – послышался бодрый голос лейтенанта Астахова. – Тело нашли. Только что выловили из воды.

Синицын вздохнул, в последний раз затянулся сигаретой и швырнул ее в траву. Сизое облако дыма зависло во влажном воздухе белесым клубком, приняв очертания какого-то невиданного зверя.

1. Вздорный профессор

(За двенадцать часов до убийства)

Марго увидела его сразу. Профессор стоял перед Спасским собором и, задрав голову, разглядывал его темные купола.

– Аскольд Витальевич, здравствуйте! – окликнула его Марго.

Профессор Тихомиров обернулся и, прищурившись, посмотрел на журналистку. Это был невысокий, коренастый человек с едва наметившимся брюшком, седовласый и спокойный.

Марго подошла к нему и представилась:

– Я Маргарита Ленская. Журналистка. Вы назначили мне здесь встречу, помните?

– А, да-да, – кивнул Тихомиров и хотел было приветливо улыбнуться, но, по всей вероятности, передумал. – Вы опоздали, – сказал он довольно сухо.

Марго глянула на часики и с улыбкой проговорила:

– Всего на три минуты.

– Это были *мои* три минуты, – уточнил Тихомиров. – Ладно. Я как раз собирался зайти внутрь. Составите мне компанию?

– С удовольствием.

Тихомиров, тяжело опираясь на трость, заковылял к деревянной двери собора. Марго последовала за ним.

Два часа назад Марго позвонила профессору, чтобы договориться с ним насчет интервью. Тихомиров на просьбу о встрече ответил каким-то невразумительным сопением, потом сказал: «Боюсь, нам с вами не о чем говорить» – голосом рокочущим и недовольным, словно Марго была некрасивой поклонницей, вымаливающей у него свидание.

Так бы и не состояться встрече, но, как говорится, старик не на ту напал. Если Марго чего-то хотела, то всегда этого добивалась. Такой уж у нее был характер. Она могла преследовать человека неделями, доставать его звонками, просьбами, требованиями, до тех пор, пока измученный преследованием «контрагент» не сдавался на волю победительницы. И тогда уже Марго не церемонилась.

Профессор Тихомиров сопротивлялся хоть и упорно, но недолго. «Если вам некуда девать время, приезжайте в Андроников монастырь, я буду там сегодня в десять часов», – сухо сказал он и положил трубку. «Попался!» – со сдержанной улыбкой профессионального игрока в покер подумала Марго, запихивая телефон в сумочку.

Отправляясь на встречу, Марго до последнего момента верила, что Тихомиров просто рисуется, а на самом деле будет рад поводу поговорить о своей новой книге, а заодно и прорекламировать ее как следует. Но, заглянув профессору в глаза и наблюдая теперь его квадратную, непреклонную спину, обтянутую коричневой замшей куртки, журналистка поняла, что слухи о невыносимом характере профессора несколько не преувеличены.

«Чепуха, – самоуверенно сказала себе Марго. – И не таких раскручивала».

Внутри собора царил полумрак, было прохладно, тихо и безлюдно. За прилавком, уставленным иконками, свечами и крестами, сидела пожилая женщина в темном платке. Поздоровавшись с ней, Марго и профессор прошли к алтарной части. Около минуты Тихомиров молча разглядывал стены храма, о чем-то размышляя, затем проговорил, не глядя на Марго:

– Удивительная церковь. Здесь нет ничего лишнего. Скупая, строгая красота. Никакого восточного буйства красок.

С алтарных икон спокойно и сдержанно смотрели лики святых. Тихо потрескивали свечи в медных подсвечниках.

– Слишком уж аскетично, вам не кажется? – подала голос Марго.

Тихомиров бросил на нее быстрый, недоверчивый взгляд и сказал:

– Когда-то эти стены были украшены фресками Андрея Рублева и Даниила Черного. Но, как видите, сейчас от них ничего не осталось, кроме двух небольших фрагментов. Вон там, на откосах окон.

Марго всмотрелась в темные своды алтаря, перевела взгляд на узкие окна, сквозь которые пробивался дневной свет, но так ничего и не разглядела.

– А зачем их уничтожили?

– Считается, что фрески сильно пострадали от времени и в конце восемнадцатого века их решили заменить, – ответил профессор с грустью в голосе. – Но, по-моему, это полная чушь.

– Почему?

Тихомиров посмотрел на Марго как на идиотку.

– Да хотя бы потому, что новые фрески на месте уничтоженных так и не появились. Разве вы сами не видите?

Марго снова посмотрела на серые, унылые стены храма. И сейчас, по истечении двухсот лет, кое-где на стенах все еще виднелись следы зубила. Судя по всему, работа была проделана нешуточная.

– Так ваша новая книга об этом? – осторожно спросила Марго, зная по рассказам коллег, что Тихомиров не любит приоткрывать завесу тайны над исследованиями, в которых еще не поставил финальную точку.

Вместо ответа Тихомиров рассеянно пробормотал:

– Что-то я устал. Пойдемте в сквер. – И тут же заковылял к выходу.

Они вышли из храма. Прошли в молчании по монастырскому дворику и, оказавшись за белой монументальной стеной монастыря, неторопливо зашагали по бетонной дорожке сквера.

Тихомиров шел, слегка прихрамывая и опираясь на тяжелую лакированную трость с металлическим набалдашником. Марго приходилось умерять поступь, чтобы идти с ним в ногу. Она была примерно одного роста с профессором, но благодаря длинной шее и прямой, как у балерины, осанке выглядела намного выше. Волосы у Марго были черные, но еще черней были ее глаза – большие, блестящие, по-кошачьи раскосые.

Остановившись в двух шагах от скамейки, Тихомиров покосился на Марго и вдруг сказал:

– Боюсь, что разговора у нас с вами не получится. Мне просто нечего вам рассказать. Я ведь предупреждал вас по телефону.

«Чтоб тебя черти съели, старый упрямец», – подумала Марго, а вслух сказала, стараясь придать своему низкому, хриловатому от бесчисленного количества выкуренных сигарет голосу как можно более мягкую интонацию:

– Аскольд Витальевич, наших читателей очень интересуют ваши изыскания. Разве вы пишете не для них?

– Я пишу для себя, – ответил Тихомиров. – И вообще, устному слову я предпочитаю печатное. В книге все будет описано доскональнейшим образом, каждое утверждение будет всесторонне обосновано.

– Но благодаря интервью аудитория вашей книги расширится!

Морщинистая щека старика дернулась.

– Не думаю, что это так уж важно, – сухо сказал он. – Кому нужно – прочтут и так. Остальные меня не интересуют.

– Ну хорошо, – сдалась Марго. Несколько секунд она молчала, соображая, чем же еще можно взять несговорчивого профессора. Потом решила идти ва-банк и заговорила, проникновенно понизив голос. – Ну хорошо. А если я вам скажу, что этот материал нужен мне? Мне, лично. Что мне очень нужны деньги, и это интервью – реальный шанс их получить?

Тихомиров окинул ее холодноватым взглядом, пожал плечами и сказал:

– Это ваши проблемы. И, откровенно говоря, мне на них плевать. – Он переступил с ноги на ногу и поморщился. – Вы не против, если мы присядем?

Такого откровенного хамства по отношению к себе Марго не доводилось наблюдать очень давно. Надо было сказать в ответ что-то резкое и насмешливое, но сразу Марго не нашлась, а когда нашлась, нужный момент уже был упущен.

На скамейке, между прочим, уже сидел человек – молодой священник в рясе, с крестом на шее и с книгой в руках. Он мельком посмотрел на подошедших и снова опустил взгляд в книгу.

Тихомиров смахнул со скамейки мусор и сел. Марго уселась рядом. Пригладила смуглой ладонью складку на длинной цветастой юбке. Тихомиров покосился на ноги Марго, затем вынул из пачки «Кэмела» сигарету и вставил ее в сухие губы.

Марго посмотрела, как он прикуривает, и почувствовала злость. Стоило тащиться сюда через всю Москву, чтобы получить «вежливый отлуп»? «Нет, братец, я тебя прокачаю по полной программе», – подумала Марго, хмуря черную бровь.

– Аскольд Витальевич, скажите хотя бы: эта книга будет такой же скандальной, как и предыдущая? Ходят слухи, что вы совершили новое открытие.

– Я кое-что открыл, это правда, – сказал профессор, щуря голубые выпцветшие глаза. – Рукопись почти закончена. – Он скосил взгляд на кончик сигареты и немного помолчал. А когда заговорил, глаза его блеснули сухим, злорадным блеском: – Представляю, как взбесится наше академическое сообщество, когда книга увидит свет.

«Ага!» – подумала Марго и быстро спросила:

– О чем будет ваша книга?

– Это будет настоящая бомба, – ответил Тихомиров. Затем искоса посмотрел на Марго и добавил: – Но говорить о ней рановато. Дождитесь публикации, и сами все увидите. Скажу только, что речь идет о фресках Рублева. Тех самых, на месте которых теперь лишь голые стены.

«Это уже что-то, – подумала Марго. – Качай его, Маргоша. Качай!»

– Правильно ли я поняла, что в своей книге вы опровергаете официальную версию уничтожения фресок? – поинтересовалась она невинным голосом.

На сухих губах профессора появилось подобие злобной усмешки.

– Так называемая «официальная версия» не выдерживает никакой критики. Поверьте – в этих стенах... – профессор ткнул дымящейся сигаретой в сторону Спасского собора —... скрыта большая тайна.

Марго начала выходить из себя. Вот уж любитель побродить вокруг да около. А может, просто набивает себе цену? Все-таки мужчина, хоть и старик, а мужчины существа тщеславные. Поскольку вежливый тон не срабатывал, Марго решила попробовать действовать от противного. Она кашлянула в кулак и произнесла невиннейшим голосом:

– Некоторые ученые считают, что все ваши гипотезы – всего лишь фантазии свихнувшегося неудачника, который пытается привлечь к себе внимание.

Марго ожидала взрыва, однако взрыва не последовало.

– Это их личное мнение, – сказал Тихомиров, равнодушно пожимая плечами. – Что же касается меня... *Et si omnes scandalizati fuerint in te, ego nunquam.* «Если даже все отрекутся от тебя, то я – никогда». Евангелие от Матфея.

– От Марка, – ясно и отчетливо поправил его незнакомый голос.

Профессор и Марго повернули головы. Молодой священник, как и прежде, держал в руках раскрытую книгу, однако на страницы больше не смотрел. Он смотрел на профессора Тихомирова.

– Прошу прощения, что вмешиваюсь в разговор, – с улыбкой произнес незнакомец. – Вы впрямь считаете, что фрески Рублева были уничтожены по чьему-то злому умыслу?

– А почему вас это интересует? – подозрительно прищурился на незнакомца Тихомиров. Тот слегка смутился.

– Дело в том, что мне официальное объяснение тоже кажется не совсем обоснованным. Можно узнать, какую гипотезу выдвигаете вы?

– Если вы слышали наш разговор, то, вероятно, поняли, что я не люблю предавать свои гипотезы огласке до их окончательной доработки и публикации, – сурово ответил Тихомиров.

– Что ж, в таком случае прошу меня извинить.

– Ничего страшного. – Профессор внимательно взгляделся в лицо священника и вдруг смягчился, как если бы убедился, что незнакомец не представляет для него никакой опасности. – Вы здесь служите?

Молодой священник качнул головой.

– Нет. Но я люблю тут бывать.

Профессор кивнул и сказал:

– Прекрасное место. Э-э... Простите, вас как зовут?

– Андрей Берсенев. Дьякон Андрей Берсенев.

– Скажите, отец Андрей, вам никогда не казалось странным, что русские иконописцы почти не рисовали волхвов? А ведь картина впечатляющая: верблюды, погонщики, ослепительная звезда в небе, темная пещера, три грузные фигуры, склонившиеся над младенцем. Мистерия, пронизанная ощущением умиления и какого-то особого душевного комфорта. Ведь в европейском искусстве это одна из главных тем, не правда ли?

Дьякон подумал и ответил:

– Мне кажется, причина в сложившейся традиции. Православный мир всегда больше внимания уделял Пасхе, нежели Рождеству.

Тихомиров кивнул:

– Да, есть такое мнение. Однако, когда разглядываешь старинные иконы, складывается впечатление, что русские иконописцы сознательно обходили эту тему стороной. Словно кто-то сильный и могущественный сказал им – «нельзя».

Тихомиров швырнул окурок в урну и принялся хлопать себя по карманам, негромко приговаривая:

– Ах ты, черт. Неужто опять...

– Что случилось? – спросила Марго.

Голос профессора зазвучал растерянно и жалобно.

– Да вот, понимаете... – забормотал он, все еще хлопая себя по карманам. – Собирался зайти в книжный и купить пару книжек, но позабыл бумажник дома. Как обидно. Теперь придется возвращаться сюда через всю Москву и терять целый день.

– Да, не повезло, – сказала Марго, втайне злорадствуя над вредным профессором.

Следует отметить, что Марго, при всей своей доброте и отзывчивости, была девушкой мстительной, обид она, как правило, не прощала никогда и никому. Тем более не собиралась прощать какому-то старикашке с раздутой репутацией, возмнившему о себе черт знает что.

«Получи на пироги», – мстительно подумала она. Но неожиданное вмешательство человека в рясе все испортило.

– Если хотите, я могу вам одолжить, – предложил молодой дьякон.

Профессор удивленно на него посмотрел.

– Правда?

– Конечно, – подтвердил тот с добродушной улыбкой. – А вы вернете мне деньги, когда вам будет удобно. Или пришлете по почте. Сколько вам нужно?

– Полагаю, рублей семьсот.

Отец Андрей достал из черного портфеля, лежащего на коленях, кожаный бумажник, отсчитал семьсот рублей и протянул их профессору.

– Благодарю вас! – сказал профессор, без всякого смущения принимая деньги. – Вы сэкономили мне кучу времени. Простите, я ведь, кажется, так и не представился. Аскольд Витальевич Тихомиров, историк, профессор культурологии.

– Очень приятно.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Куда прислать деньги? – поинтересовался профессор.

Отец Андрей продиктовал адрес, и профессор Тихомиров записал его в маленький блокнот.

Не успел профессор убрать блокнот в сумку, как в кармане у него запиликал телефон. Тихомиров извинился, достал из кармана мобильник, откинул пальцем крышку и прижал трубку к уху.

– Слушаю... – Некоторое время профессор действительно внимательно слушал, при этом усталое лицо его становилось все мрачнее и мрачнее. Затем решительно произнес: – Нет, это не пойдет... Нет-нет... А уж это как вам будет угодно!.. Что вы сказали?.. Ах вот как!.. Ну хорошо, я приеду.

Он убрал телефон. Посмотрел на Марго и сказал растерянно:

– Ну вот. Мне пора идти. Интервью у нас с вами не получилось, но я ведь предупреждал заранее.

«В гробу я видела твои предупреждения, старый осел», – недовольно подумала Марго, но руку профессору все-таки пожала, даже какое-то подобие улыбки из себя выдавила.

Тихомиров тем временем обратился к дьякону:

– Еще раз спасибо, отец Андрей. Жаль, что у меня так мало времени. Было бы чрезвычайно интересно с вами побеседовать.

Он поднялся со скамейки, вскользь взглянул на Марго, как-то неловко повел плечами, словно опять говоря: «Я же предупреждал», затем повернулся и, тяжело опираясь на трость, заковылял прочь.

Дьякон проследил за ним взглядом, затем посмотрел на Марго.

– А вы, простите...

– Даже не пытайтесь, – сердито сказала Марго, наморщив носик. – Вы не в моем вкусе. – Она встала со скамейки, закинула сумку на плечо. Посмотрела на сигарету, дымящуюся в пальцах дьякона, и с усмешкой поинтересовалась: – А разве священникам можно курить?

– Вы прямо как мой духовник, – улыбнулся дьякон. – Знаете, как он говорит? «Курение – внешний признак внутренней расслабленности и несобранности. А мы призваны держать наготове светильники и масло, а не пачку сигарет и зажигалку».

– И что, он прав?

– Кто знает, – с улыбкой ответил дьякон. – Кто знает...

* * *

«Вот так когда-нибудь пойдешь стричься и выяснится, что голову дома оставил».

Аскольд Витальевич шагал к книжному магазину, ритмично и сухо постукивая тростью по асфальтовой дорожке. Это ж надо – забыть бумажник дома! До такой степени рассеянности Тихомирову еще не приходилось доходить. И какой унижительной неприятностью все закончилось! Аскольд Витальевич всегда был нелюдим и демонстративно независим. Обращаться к чужому человеку за помощью (а тем более в таком щепетильном вопросе, как деньги) было для него настоящей пыткой. Но – пришлось.

В последние дни Аскольд Витальевич был сам не свой. Душа, привыкшая идти на поводу у разума, проявила вдруг строптивость и отказывалась ложиться в прокрустово ложе дисциплины, к которому за долгие годы научной работы она должна была бы уже давно привыкнуть.

Душа, эта маленькая упрямица, была полна ликованием. И, следует признать, у нее имелись для этого все основания.

Мировая известность, деньги, путешествия, а самое главное – признание коллег, приправленное острым перцем черной зависти, – вот какие категории вспыхивали теперь в мозгу у Аскольда Витальевича с легкой подачи ликующей, распоясавшейся души. Все это было теперь достижимо, и не просто достижимо – а совсем близко. Протяни руку и возьмешь. Открытие, к которому Тихомиров пришел после двух лет упорной работы, обещало стать настоящей сенсацией. Шутка ли – Аскольд Витальевич вручит человечеству щедрой, бескорыстной рукой дар, о котором это чертово человечество даже не помышляло!

Человечество отвыкло от чудес. В его истории давно не случалось ничего экстраординарного. «Что ж, придется его слегка расшевелить!» – с наслаждением думал теперь Аскольд Витальевич.

Остроту наслаждения усиливало и ощущение опасности, которой веяло от этого открытия. Профессор чувствовал себя охотником, ступившим случайно на чужую территорию и сделавшим удачный выстрел. Добыча в руках, осталось лишь незаметно ее вынести, пока хозяин охотничьих угодий далеко. Удастся ли? Ответа на этот вопрос Тихомиров не знал. Однако при мысли об этом страшном, невидимом «хозяине» сердце его сладостно сжималось, как сжимается оно у всякого мужчины, ввязавшегося в великолепное, но рискованное предприятие, угрожающее не только его благополучию, но и жизни.

Тихо звякнул дверной колокольчик, и профессор оказался внутри небольшого, уютного книжного магазина. Он с удовольствием втянул ноздрями запах книг – запах краски, клея, пыли и времени. Затем подошел к прилавку и достал из кармана деньги. При взгляде на купюры Тихомиров вспомнил лицо молодого дьякона и вдруг подумал: «А не судьба ли мне его послала?» Профессор считал себя отличным физиономистом, и внешность отца Андрея произвела на него замечательное впечатление.

«Ну посмотрим, посмотрим», – сказал себе Аскольд Витальевич.

Продавец куда-то запропастился. Ожидая его появления, Тихомиров взял с прилавка глянцевого журнал и принялся машинально его перелистывать. Одна из рекламных картинок привлекла его внимание. На фотографии был изображен молодой жизнерадостный человек с собакой-далматинцем на поводке. Эта картинка напомнила Тихомирову об одном давнем знакомом. Воспоминание было не то чтобы неприятным, но с привкусом тоскливой горечи. Профессор досадливо крикнул и положил журнал обратно на прилавок.

Разглядывая гравюру, висевшую на стене магазина, он вдруг заметил на темном, бликующем ее стекле нечто тревожное. Это было отражение одинокой человеческой фигуры. Тихомиров обернулся и посмотрел сквозь стеклянную витрину. На той стороне улицы, прямо напротив магазина, стоял высокий человек в черной куртке. Он просто стоял, ничего не делал, но внутри у Тихомирова все похолодело.

«Неужели? – пронеслось у него в голове. – А может, я ошибся? Мало ли для чего он там стоит? Может, он кого-нибудь ждет?»

– Вы что-то хотели? – окликнул профессора негромкий голос продавца.

Тихомиров вздрогнул и уставился на молодого человека в бейсболке со старомодной надписью «Лучший подарок – книга».

– Э-э... Добрый день.

Аскольд Витальевич снова посмотрел на стекло гравюры. Отражение человека никуда не девалось. Неожиданно Тихомиров понял – это конец. Понял какой-то глубинной стороной души, той темной, радужно мерцающей стороной, которая знает всё и про всё и к чьему мнению разум почти никогда не прислушивается.

На Аскольда Витальевича накатило тоскливое отчаяние, кожа на голове вспотела, сердце сбилось с ритма, перемежая удары какими-то жуткими, захватывающими дух провалами, словно падая в невидимые воздушные ямы.

– Вы хотите что-то купить? – поинтересовался продавец, с легким недоумением разглядывая бледное, потное лицо Тихомирова.

Голос продавца опять вывел профессора из забытья. Чтобы подавить страх, ему пришлось призвать на помощь всю свою волю.

– Э-э... Да, – пробормотал Тихомиров.

Одной секунды, разделяющей эти два коротких слова, хватило, чтобы в голове у Тихомирова появился четкий план действий.

«Я всегда выгуливаю пса в одно и то же время, – зазвучало у него в голове. – В девять часов выхожу из дома и иду на бульвар. Таков мой ежевечерний моцион».

– В девять часов, – пробормотал Тихомиров. – Как это кстати.

Аскольд Витальевич взял с прилавка журнал и взволнованно спросил:

– Сколько это стоит?

– Пятьдесят рублей, – ответил продавец.

– Беру! И еще... Мне нужен альбом художника Джотто и... – Тихомиров на мгновение задумался и уверенно договорил: —...Книга Фридриха Ницше «По ту сторону добра и зла» есть у вас?

– Пятьсот двадцать рублей, – ответил продавец, произведя в голове мгновенный расчет.

Тихомиров протянул продавцу деньги. Тот отсчитал сдачу, затем принялся упаковывать книги в большой полиэтиленовый пакет.

«Но кому? – напряженно и мучительно соображал Тихомиров, глядя на ловкие, умелые пальцы продавца. – Кому?!»

Внезапно перед внутренним взором профессора возникло ясное и чистое лицо молодого дьякона, с которым он познакомился всего час назад. Стоит ли доверять своей интуиции? А вдруг дьякон окажется негодяем или того хуже – дураком? Тихомиров еще колебался, когда продавец поставил на прилавок пакет с книгами.

«Ты всегда полагался на свою интуицию, – сказал профессору внутренний голос. – И она никогда тебя не обманывала. К тому же – других вариантов все равно нет. Ты всегда по-свински относился к людям. Ты одинок и никому не нужен, никто из тех, кого ты знаешь, не захочет тебе помочь».

– Ну, значит, так тому и быть, – кивнул своему внутреннему голосу Аскольд Витальевич.

– Вы что-то сказали? – осведомился продавец.

– Да. Я хочу, чтобы вы доставили эти книги по адресу, который я вам укажу. Это возможно?

Продавец улыбнулся.

– Не вопрос. Доплатите сто пятьдесят рублей и оставьте адрес.

Аскольд Витальевич достал из кармана пиджака блокнот, вырвал листок и протянул его продавцу:

– Вот. Пришлите книги по этому адресу.

– Андрей Берснев, – прочел продавец вслух. – Четвертая улица Марьиной Рощи, дом девять дробь...

– Умоляю, нельзя ли побыстрее?

Продавец пробежал пальцами по клавиатуре кассового аппарата, вынул чек и протянул его профессору:

– Доставка в течение дня.

– Благодарю вас. – Тихомиров сунул чек в карман и повернулся, чтобы идти. Человек в черной куртке по-прежнему стоял на той стороне улицы.

«Господи, мне нужен еще час! – жалобно взмолился Аскольд Витальевич, глядя на незнакомца в черной куртке и обращаясь к всемогущему неведомому существу, которое повелевало этим миром. – Всего час! Час на то, чтобы заехать домой, а потом посетить два-три места... перед тем, как всё будет кончено. Неужели я не заслужил такую малость?»

Он снова повернулся к продавцу:

– Простите, у вас есть листок и ручка?

– Восемь рублей, – бесстрастно ответил тот.

Профессор протянул руку и нервно произнес:

– Дайте!

* * *

Марго Ленская сидела в баре и пила красное вино, заедая его оливками. Рядом с ней, за полированной деревянной стойкой бара, сидел рослый мужчина с небритыми щеками и скептической усмешкой, словно наскоро припиленный к ярко-красным, капризно изогнутым губам.

– Слушай, Ленская, – говорил небритый мужчина высоким, хрипловатым голосом, – на кой черт тебе все это надо?

– Ты это о чем?

– Сама знаешь о чем. Пашешь с утра до вечера, носишься по городу, высунув язык. Ты ведь красивая баба. Стоит тебе только свистнуть, и богатые кобели сбегутся со всей округи.

Марго усмехнулась, блеснув белоснежной полоской зубов.

– Хватит, посвистела. Теперь хочу нормальной человеческой жизни. К тому же мне нравится моя работа.

– Ну если ты считаешь свою жизнь нормальной, то...

– Ларин, кончай, – поморщилась Марго. – Ты сам-то почему этим занимаешься?

Ларин подумал и пожал плечами:

– Не знаю. Наверно, чтобы показать себе, что я все еще на что-то гожусь. Ну не бизнесом же мне заниматься в самом деле.

– Да уж, бизнесмен из тебя был бы неважный, – усмехнулась Марго. – Хотя попробовать стоило бы. Тебе ведь еще нет сорока?

– Три месяца как стукнуло, – ответил Ларин. – Знаешь, что говорил по этому поводу Омар Хайям?

– Что?

– «Мужчина, перешагнувший сорокалетний рубеж, натывается на два неприятных момента. Когда он в первый раз не может во второй. И когда он второй раз не может в первый».

– Ну это не про тебя. У тебя на физиономии написано, что ты суперсамец.

Ларин усмехнулся.

– Звучит неплохо. Давай-ка за это и выпьем.

Он отсалютовал Марго бокалом и отхлебнул пива.

– Слушай, а что там у тебя за история с Закаевым?

– С Закаевым? – По чистому лицу Марго пробежала тень. Она пожала плечами и недовольно ответила: – Никакой истории. Просто я должна ему деньги.

– Деньги... – Ларин облизнул губы. – И как ты умудрилась вляпаться? Ты ведь знаешь, что они делают с должниками, которые отказываются платить. Сколько ты задолжала?

– Много, – небрежно ответила Марго. – Но большую часть долга я уже вернула, осталась самая малость.

– Если хочешь, я тебе одолжу, – предложил Ларин.

Марго упрямо качнула головой:

– Нет.

– Ленская, не глупи. Я не потащу тебя за эти деньги в постель. Это просто дружеский жест.

– Я сказала: нет.

Ларин вздохнул.

– Упрямая как черт.

В сумке у Марго загудел мобильник. Марго с досадой отставила бокал и достала трубку. Глянула на экранчик и наморщила нос:

– Легок на помине.

Ларин вопросительно на нее посмотрел.

– Турук? – тихо спросил он.

– Угу. Хочешь послушать?

– Давай.

Марго включила громкую связь.

– Ленская, какого черта? – прорычал из трубки грозный и картавый голос редактора Турука. – Что вы мне прислали?

– Статью, которую вы заказывали, – невозмутимо ответила Марго.

– И куда я это помещу – в рубрику «Ваш досуг»? Маргарита, я не требую от вас сенсации. Но нам нужна интересная статья, написанная популярным языком. Читателей интересует новая книга Тихомирова. Понимаете вы это?

Марго промолчала, и Турук, вздохнув, добавил:

– В общем так: или вы приносите мне статью, которая меня устроит, или я расторгаю с вами договор.

– У нас с вами нет никакого договора, – напомнила Марго. – Я фрилансер.

– В таком случае мы предпочтем больше не иметь с вами дел.

Ларин вытаращил глаза и, гримасничая, покачал головой. Марго показала ему язык и открыла было рот, чтобы дать Туруку достойный отпор, но редактор опередил ее.

– Ленская, у вас есть четыре дня, – сказал он. – Если к понедельнику вы не напишете текст, я...

– К понедельнику статья будет готова, – холодно оборвала его Марго.

– Очень хорошо. В таком случае жду вашего звонка.

Редактор отключил связь. Сунув мобильник в сумку, Марго сделала глоток вина и, забросив в рот оливку, принялась с таким остервенением ее жевать, словно это было ухо редактора Турука.

– Марго, если хочешь, я могу...

– Тс-с! Заткнись! – Взгляд Марго, до сих пор рассеянно и сердито блуждавший по залу, остановился, зрачки слегка расширились, а черные брови изумленно взлетели вверх. – Дорогуша, сделай-ка погромче!

Бармен послушно взял пульт и клацнул пальцем по кнопке.

...Труп профессора Тихомирова был найден на берегу Истринского водохранилища, неподалеку от водонапорной башни. Следственные органы считают, что еще рано делать какие-либо выводы. Однако, по одной из версий, смерть ученого напрямую связана с его научными публикациями. В частности – с новой книгой, рукопись которой бесследно исчезла. А теперь к другим новостям...

Марго отвернулась от телевизора и сглотнула слюну.

– Запахло сенсацией? – осведомился Ларин.

– Вроде того, – сказала Марго.

Она залпом допила вино и облизнула губы. Затем поставила пустой бокал на стойку и поднялась со стула.

– Не забудь выставиться, когда получишь премию Боровика! – сказал Ларин.

Марго состроила ему рожу, бросила на барную стойку мятую купюру и поспешно зашагала к выходу.

Ларин некоторое время смотрел ей вслед.

– Хорошая баба, – пробормотал он. – Но несчастная. Впрочем, как все они.

Он отвел от двери равнодушный взгляд и снова занялся своим пивом.

2. Таинственные знаки

Дверь квартиры была приоткрыта. Марго распахнула ее пошире и скользнула внутрь, однако в ту же секунду перед ней вырос милиционер.

– Вы к кому? – неприятливо осведомился он.

– К майору Сеницыну. Я Ленская, он должен был вам сказать.

Милиционер кивнул и посторонился, пропуская Марго в прихожую.

В прихожей Марго не задержалась, а прямо прошла в кабинет профессора, откуда доносились приглушенные голоса. Майор Сеницын, стоявший к двери спиной, резко обернулся.

– А, явилась не запылилась, – проворчал он. – Между прочим, я запретил журналистам входить в квартиру.

– На меня это не распространяется. Я была женой твоего племянника.

– Вы были женаты всего год, – напомнил Сеницын.

– Верно, – кивнула Марго. – Но это был самый тяжелый год в моей жизни.

Молодой оперативник хмыкнул, но Сеницын строго на него посмотрел, и тот стер улыбку с лица.

– Ладно, черт с тобой, – сказал Сеницын. – Только не путайся под ногами и веди себя тише воды ниже травы.

Марго послушно кивнула.

Лицо у Сеницына было усталое и озлобленное. Дома его ждали толстая жена и целый выводок плачущих и кричащих детей, которых он обожал; ради них он готов был закрыть глаза на некоторые «несовершенства нашей жизни», чем Марго частенько пользовалась.

Оглядевшись, Марго достала из кармана маленький цифровой фотоаппарат и взяла его на изготовку. Однако майор Сеницын, привлеченный жужжанием объектива, нахмурился и отрицательно покачал головой.

– Бутылка коньяка, – загадочно произнесла Марго.

Морщины на хмуром лице сыщика разгладились.

– Пару снимков – не больше, – милостиво разрешил он.

Марго окинула кабинет цепким, внимательным взглядом, и фотоаппарат резво защелкал в ее руках. Походив по комнатам и сделав с десяток снимков, Марго снова подошла к Сеницыну, который вышел на кухню перекурить.

– Расскажи, что произошло у водохранилища? – попросила Марго. – Есть что-нибудь такое, о чем не сказали по телевизору? Какая-нибудь интересная деталь? Может, преступники оставили в машине какой-нибудь знак, вроде «черной кошки»?

Произнося свой маленький монолог, Марго произвела левой рукой почти неуловимое движение, и новенькая купюра, хрустнув, перекочевала из ее кармана в карман майора Сеницына. Сыщик покосился на карман, потом на прикрытую кухонную дверь, за которой все еще работала следственная бригада, затем дернул уголком рта и сказал:

– Даже если я тебе скажу, ты не сможешь использовать это в статье. Это секретная информация.

– Разумеется, – кивнула Марго. – Но это поможет мне составить общую картину происшествия.

Сеницын немного помолчал, давая журналистке почувствовать, какая нешуточная борьба происходит в его душе. Еще одна шуршащая купюра, присоседившись к своей предшественнице, положила конец нравственным мучениям старого сыщика. Он вздохнул и сказал:

– Пальцы. Мы нашли в машине пальцы.

– Пальцы? – эхом отозвалась Марго. В ее карих глазах полыхнули искорки.

Сеницын кивнул:

- Да. Их откусили кусачками.
- Выходит, прежде чем убить Тихомирова, его пытали?
- Выходит, что так.
- А...
- Больше я ничего не могу тебе сказать. Ты все сфотографировала?
- Да.

Синицын красноречиво посмотрел на дверь, давая понять, что лимит времени, выделенный Марго на ознакомление с интерьером квартиры, исчерпан.

* * *

Оказавшись на улице, Марго некоторое время постояла у подъезда, обдумывая все, что увидела и услышала в квартире профессора. Затем неторопливо прикурила тонкую сигаретку от позолоченной зажигалки и обвела двор прищуренным взглядом. Тут длинные ресницы Марго дрогнули, и она удивленно проговорила:

- Дорогуша, а ты-то как сюда попал?

На скамейке сидел молодой мужчина в рясе. Марго подошла к нему, остановилась напротив и с ухмылкой произнесла:

- Отец Андрей, если не ошибаюсь? Вас-то каким ветром сюда надуло?

Отец Андрей встал со скамейки, вежливо поздоровался и сделал приглашающий жест рукой:

- Присаживайтесь.

– Спасибо, – ответила Марго. Она села на скамейку и небрежно забросила ногу на ногу. – Ну? И что вы здесь делаете?

– Пытаюсь исправить ошибку, – спокойно ответил дьякон, скользнув взглядом по голому бедру журналистки в разрезе длинной юбки.

- Какую ошибку? – спросила Марго.
- Ошибку, которую... Простите, как вас зовут?
- С утра была Марго.
- Рита?
- Нет. Марго.

– Видите ли, Марго, профессор Тихомиров купил книги, но по рассеянности назвал в магазине мой адрес. Мне их доставили сегодня. – Тут отец Андрей легонько пристукнул пальцами по пакету, лежащему на скамейке. – Я решил вернуть книги владельцу, для чего и приехал сюда. Но следователь сообщил мне, что профессор погиб.

- Он вас не обманул, – сказала Марго. – И что вы теперь намерены делать?

– Если не объявится наследник, передам книги в церковную библиотеку, – ответил дьякон, пожимая плечами.

Марго стряхнула с сигаретки пепел и фыркнула:

- Какие сложности. Почему бы вам не оставить их у себя?
- Я за них не платил, они мне не принадлежат.

– Надо же, какая щепетильность! Если хотите, я их заберу. Меня-то уж точно совесть мучить не будет. – Она покосилась на пакет. – Что за книги? Ценные?

- Альбом итальянского художника Джотто и книга Фридриха Ницше.

– Ну это мне точно не понадобится, – проговорила Марго, исподволь разглядывая дьякона.

Это был мужчина высокого роста, худощавый и широкоплечий. Темные волосы, зачесанные назад, открывали высокий лоб. Дьякон был чисто выбрит, смугл и красив той неброской,

мужественной красотой, которую чаще можно встретить в дамских любовных романах, чем в жизни.

– Ну а вы? – спросил отец Андрей. – Что будете делать вы?

– В каком смысле? – не поняла Марго.

– В прямом. Не зря же вы сюда пришли. Вероятно, вы задумали что-то вроде журналистского расследования? Я прав?

Марго улыбнулась.

– Вы опасный человек, дьякон. Можно сказать – попали в самую точку. Если вы не в курсе – рукопись последней книги Тихомирова пропала. Было бы неплохо ее разыскать.

– И вы знаете как?

Марго тряхнула головой:

– Нет, но узнаю. А вообще странно все это, – проговорила она после паузы, покосившись на пакет с книгами. – Не понимаю, как Тихомиров мог ошибиться с адресом?

– Мне это тоже кажется странным, – сказал дьякон. Он посмотрел спокойным взглядом на кофр, болтающийся у журналистки на плече, и спросил: – Вы фотографировали в квартире профессора?

– Я? С чего вы взяли?

– Ваш фотоаппарат, – кивнул на кофр отец Андрей. – Не для красоты же он у вас висит. Наверняка успели сделать пару-тройку снимков.

«А он непрост. Определенно, непрост», – подумала Марго.

– Хотите посмотреть?

Дьякон вежливо склонил голову:

– Если позволите.

– Валяйте, смотрите. На них все равно нет ничего интересного.

Марго достала из кофра фотоаппарат и протянула его дьякону.

– Пользоваться-то хоть умеете?

– Спасибо, разберусь, – ответил дьякон.

Несколько минут отец Андрей внимательно изучал снимки, а Марго изучала его лицо, которое казалось ей все более интересным. Наконец Марго надоело ждать, и она спросила:

– Ну как? Нашли что-нибудь любопытное?

Вид у дьякона был задумчивый.

– Когда были сделаны эти снимки? – спросил он.

– Минут двадцать назад. А что?

– Тут есть кое-что... странное, – пробормотал он.

– Что именно?

Отец Андрей прищурил такие же карие, как у Марго, глаза и сказал:

– Часы.

– Часы? – удивилась Марго.

Дьякон кивнул:

– Да. Похоже, они остановились.

Он двинул рычажок, увеличив изображение на экране, и протянул фотоаппарат Марго. Она посмотрела на снимок и небрежно пожала плечами.

– Что же тут странного? Если вы не знали, с часами такое иногда случается.

– Это кабинет профессора Тихомирова, не так ли? – уточнил дьякон.

– Да. И что?

– Кухонные часы показывают такое же время. И в гостиной тоже.

Марго просмотрела несколько кадров.

– Да, вы правы, – удивленно протянула она. – На всех часах одно и то же время. Девять часов одиннадцать минут. Может, это какое-нибудь излучение? Радиация или еще что-нибудь?

Дьякон едва заметно усмехнулся, и Марго покраснела.

– А что тогда? – спросила она.

Отец Андрей подумал и ответил:

– Я думаю, Тихомиров сам их остановил.

– Да ну? Вот уж ни за что бы не догадалась. И зачем ему это понадобилось?

– На этот вопрос я пока ответить не могу.

Некоторое время они сидели молча, обдумывая увиденное. Внезапно внутри у Марго заурчало. Закоренелый гастрит, как языческий идол, присосавшийся к желудку, требовал очередного жертвоприношения.

– Слушайте, батюшка, – заговорила Марго, – тут поблизости есть бар. Что, если мы зайдем и съедем чего-нибудь? А не хотите есть, так просто выпьете кружечку пива.

– Я не люблю пиво, – сказал дьякон.

– И не надо. Просто посидите рядом и поглазеете на симпатичных девчонок. Надеюсь, ваша вера выдержит столь тяжелое испытание?

– Моя вера выдерживала и не такое, – ответил отец Андрей.

– Ну тогда вперед!

Бар, о котором говорила Марго, оказался двухэтажной стекляшкой неподалеку от Белорусского вокзала. Он стоял аккуратно напротив белоснежной старообрядческой церкви, и два этих здания глядели друг на друга своими фасадами, как два непримиримых врага, взявшие тайм-аут перед последней, решающей схваткой.

Узкий Бутырский вал был перетянут полотнищами с рекламой прохладительных напитков, дарующих человеку вечную молодость, а также ипотечных контор, обещающих огромные кредиты под весьма умеренные проценты, которые как раз успеешь выплатить перед тем, как лечь в гроб и накрыться крышкой.

Изнутри бар выглядел как пародия на церковь. На столах мягко потрескивали свечи, вставленные в бутылки из-под шампанского. Барная стойка напоминала алтарь. Вместо икон в полумраке бара тихо мерцали экраны телевизоров, передающие беззвучный поединок между нью-йоркской «Никс» и лос-анджелесской «Лейкерс», до которого никому из присутствующих не было дела.

Марго подумала, что дьякон смутится, но по его виду никак нельзя было сказать, что он смущен. Смущены были скорее посетители бара. Они тут же устали на молодого священника, поблескивая из полумрака зала десятками крысиных глазок – кто с усмешкой, кто с легким недоумением. Впрочем, прошла минута, другая, и барная публика потеряла к дьякону всяческий интерес и вернулась к своим кружкам, бокалам и рюмкам.

– Это мой любимый бар, – сказала Марго, едва они уселись за столик. – Конечно, он слегка напоминает вокзальную забегаловку. Но зато, если хочешь пообщаться с Богом по-свойски, за кружкой пива, – лучше места не найти.

– Как это? – не понял дьякон.

– А вы посмотрите туда, – сказала Марго и показала пальцем на широченное окно, занимавшее собой всю стену.

Дьякон обернулся. В окно была видна белая старообрядческая церковь, с фасада которой мягко и печально глядел лик Христа.

– Такое ощущение, что нас за столом трое, правда? – улыбнулась Марго. – Это единственное место в мире, где можно выпить с Богом по кружечке пива и поговорить о жизни. Сам он, конечно, вряд ли что-нибудь скажет, зато отлично умеет слушать.

– Вы атеистка? – прищурившись, спросил дьякон.

– Увы, – ответила Марго. – Мы живем в эпоху, когда пухом из ангельских крыльев набивают подушки. Хотя лично вам я завидую. Верующий человек – это как почтовая открытка

с разборчивым адресом. А если человек точно знает, что его письмо дойдет до адресата, это избавляет его от неопределенности и связанных с ним мучений.

Отец Андрей улыбнулся.

– Вы всегда так напыщенно выражаетесь? – осведомился он.

Марго покачала головой.

– Нет. Только когда хочу произвести впечатление на мужчину. Кстати, можно мне посмотреть книги?

Марго думала, что дьякон заартачится и опять начнет нудить про то, что книги ему не принадлежат, а значит, он не имеет права и т. д. и т. п., но отец Андрей повел себя как вполне нормальный человек. Он поднял с пола тяжелый пакет, вынул книги и положил их на стол.

Марго пододвинула к себе альбом Джотто, откинула тяжелый бархатный переплет и стала неторопливо листать роскошные мелованные страницы с репродукциями фресок великого ита-
льянца.

– Черт! – воскликнула она вдруг.

Отец Андрей нахмурился и глянул на книгу. Марго держала в пальцах небольшой листок бумаги. Она протянула его дьякону:

– Батюшка, вам нужно на это посмотреть!

Дьякон взял листок. На белом листе размашистым почерком было написано:

ПОМОГИТЕ!

Отец Андрей поднял на Марго удивленный взгляд.

– Что это значит? – спросил он.

– А вы не поняли? Тихомиров ничего не перепутал, он прислал вам книги сознательно!

Он просил у вас помощи, понимаете?

Дьякон пребывал в явном замешательстве.

– Но... каким образом я могу помочь? – растерянно спросил он.

Марго дернула острым плечом.

– Понятия не имею. Знаете что... Вы пока подумайте, а я пойду попудрю носик. Никуда не уходите.

В туалете Марго достала из сумки мобильный телефон, быстро пробежалась пальцем по кнопкам и прижала его к уху.

– Слушаю вас, – раздался в трубке недовольный, картавый голос редактора Турука.

– Аллю, Турук. Вы, конечно, слышали, что профессор Тихомиров погиб.

– Конечно, – сказал Турук.

– Мое интервью стало для него последним.

– Похоже на то.

– Разве после его смерти мои «акции» не поднялись в цене?

– Не думаю. В вашей статье нет ничего, что пролило бы свет на тайну его гибели.

– Я думаю, что Тихомирова убили из-за его рукописи.

– И вы можете это доказать?

– Я журналист, а не сыщик.

– В таком случае я найду сыщика и поручу эту работу ему.

Марго нервно облизнула губы.

– Что будет, если я добуду вам эту информацию? – спросила она.

Турук выдержал паузу и ответил серьезным, строгим голосом:

– Я помещу вашу статью на первую полосу.

– Я не об этом, – нетерпеливо сказала Марго. – Я хочу знать, на какой гонорар могу рассчитывать?

– Ах, вот вы о чем. – Турук снова помолчал. Затем четко и ясно проговорил: – Если материал будет сенсационным, я заплачу вам в три раза больше обычной ставки.

Марго прикинула в уме цифру и сказала:

– Ловлю вас на слове.

Она отключила связь и бросила телефон в сумку, тихо проговорив: «Чтоб тебя три дня пучило, старый дурак».

Когда Марго вернулась к столику, отец Андрей по-прежнему задумчиво разглядывал записку.

– Ну как? – поинтересовалась Марго, усаживаясь за столик. – Все буквы знакомые или нашлись неизвестные?

Дьякон поднял на Марго спокойный взгляд, посмотрел на ее нос, словно и впрямь ожидал, что он будет в пудре, для чего-то нахмурил брови и строго сказал:

– Марго, вы запомнили, какую страницу Тихомиров заложил этим листком?

– Конечно! – Марго взяла альбом, быстро его пролистала в поисках нужной страницы, затем перевернула и пододвинула к дьякону: – Вот на этой.

– Вы это точно помните?

В ответ Марго лишь усмехнулась.

На репродукции была изображена сцена поклонения волхвов. Старец Иосиф и Мария с младенцем Иисусом сидели под деревянным навесом. По левую руку от Марии стоял ангел. Первый волхв, седовласый и седобородый, опустил на колени и благоговейно прикоснулся губами к пеленке младенца. Младенец Иисус смотрел на незнакомца спокойно, без всякого страха. Остальные два волхва ждали своей очереди, сжимая в руках дары. Слуга за их спинами успокаивал волнующихся верблюдов.

– «Поклонение волхвов», – медленно проговорил дьякон. Затем поднял взгляд на Марго и спросил: – Вы помните, какое время показывали часы в доме Тихомирова?

– Конечно, помню. Я же не склеротик. Девять одиннадцать.

– Девять одиннадцать, – негромким эхом отозвался дьякон. – Мне кое-что пришло в голову. У вас есть перо?

– В смысле – ручка? Конечно. Я ведь журналистка.

Вооружившись ручкой, дьякон что-то быстро нацарапал на салфетке и протянул ее Марго. На салфетке было начертано:

IX–XI

– Это что? – не поняла Марго.

– Время, которое показывали часы в квартире Тихомирова, записанное римскими цифрами. Девять одиннадцать. Вам это ничего не напоминает?

– Нет. А вам?

Отец Андрей слегка смутился.

– Ну мне это слегка напоминает инициалы Иисуса Христа, – сказал он.

Марго снова посмотрела на салфетку. Хмыкнула.

– Значит, остановив часы, профессор Тихомиров намекнул нам, что вся эта история как-то связана с Христом?

– Записка с просьбой о помощи косвенно это подтверждает, – сказал дьякон. – Ею была заложена страница с репродукцией «Поклонение волхвов». А это евангельский сюжет.

– Ну да, я знаю. А как насчет Ницше? Зачем он прислал вам книгу Ницше?

Отец Андрей задумчиво сдвинул брови.

– Вообще-то, у меня есть одна идея... – пробормотал он. – Вы готовы прогуляться?

– Да. Только допью вино.

– Допивайте скорей. Я должен вам кое-что показать.

* * *

Бодрый вид и такой же бодрый тон голоса давались Марго нелегко. Четыре месяца назад она порвала отношения с любовником, связь с которым продолжалась так долго, что Марго начинала даже подумывать: «А что, если мы...» Тут в ее ушах звучал марш Мендельсона, а перед глазами проезжал длинный кортеж белоснежных лимузинов, украшенных разноцветными лентами.

Марго однажды уже была замужем, давно, лет пять назад. Прожив в браке около года, она вдруг поняла, что супруг ее – полное ничтожество и к тому же – совершенный болван. Разбросанные повсюду вещи, вечный футбол по телевизору, пиво по пятницам в компании пошляков-сослуживцев, звучная отрывка после сытного ужина и воскресная сигара, неистребимая вонь от которой, несмотря на отчаянные усилия кондиционера, стояла в квартире аж до среды... Поначалу все это забавляло Марго, но в конце концов стало страшно ее раздражать.

«А может, он просто дурак?» – все чаще стала думать она, глядя на самодовольную и пустую улыбку мужа. И в конце концов решила – да, точно дурак. А решив, тут же подала на развод.

И вот теперь, спустя пять лет, густо насыщенных любовными приключениями и незамысловатыми романами, она снова стала подумывать о браке.

По всей вероятности, мысли о браке, даже если женщина не говорит о них вслух, отчетливо отображаются на ее лице. И характер избранника Марго, довольно успешного бизнесмена и веселого человека, стал стремительно меняться в худшую сторону. Улыбка все реже появлялась на его губах, шутить он стал как-то однобоко и скучно. Его уходы становились все более продолжительными.

«Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети», – сообщал Марго любезный женский голос из трубки, и в этом голосе журналистке все чаще слышалась скрытая насмешка, словно их произносила не виртуальная барышня-робот, а вполне реальная соперница, сидящая на коленках Ее Мужчины и весело с ним перемигивающаяся. Не в силах больше это терпеть, Марго решила раз и навсегда расставить все точки над «i».

– Если хочешь уйти, я тебя не держу, – сказала Марго своему избраннику в один из вечеров. – Мы спим вместе так долго, что давно друг другу надоели.

– Ты правда так думаешь? – тревожно спросил избранник.

«Ага, клюнул», – с удовлетворением подумала Марго, а вслух сказала:

– Конечно. А ты разве нет?

Несколько секунд он напряженно вглядывался в лицо Марго, словно подозревал в ее словах подвох, и только убедившись, что она говорит искренне (как же все-таки глупы эти мужики!), облегченно вздохнул и сказал:

– Как хорошо, что ты сама об этом заговорила. А я все думал, с чего начать...

Потом он еще что-то говорил про то, что их отношения зашли в тупик, что любой мужчина полигамен по сути, что Марго, конечно, великолепная девушка и классная любовница, но на свете слишком много женщин... Ну и так далее. Марго его почти не слушала. Она сидела на диване, с бесстрастной улыбкой глядя на его шевелящийся рот, и думала:

«Вот и все».

И чем больше она об этом думала, тем тоскливее делалось у нее на душе. И когда он спросил:

– Значит, без обид?

Марго ответила спокойным голосом, почти не сознавая того, что говорит:

– Конечно, без обид.

– Вот и отлично! Позванивай мне иногда, хорошо?

– Хорошо, – ответила Марго.

Он поднялся с кресла, поцеловал ее в щеку холодными губами и ушел, жутко довольный собой и тем, что разрыв был таким несложным и почти приятным. А Марго... Марго достала из бара бутылку «Мартини», выпила ее в полном одиночестве, а потом легла в постель и провела всю ночь горькими, пьяными слезами; душа ее была полна ненависти к жестокому миру и жалости к себе.

На другой день, глядя в зеркало на свое помятое, опухшее от слез лицо, Марго сказала себе:

– Больше никогда.

И она начала борьбу. Она лелеяла в душе ненависть к своему «бывшему», подбрасывала в топку воспоминаний все новые и новые факты его подлости, которые в изобилии находила в их общем прошлом, и вскоре не без удивления поняла, что действительно его ненавидит. Время продолжало лечить. Ненависть сменилась презрением, презрение – равнодушием. И вскоре Марго осознала, что опять свободна.

Спустя недели три после разрыва Марго прочла в каком-то журнале, что лучший способ начать новую жизнь – это плюнуть на мужиков и заняться собой любимой. А начинать перемены нужно с собственной внешности.

Поразмыслив часок и позвонив куда следует, Марго направилась в банк с твердым намерением перевести некоторую сумму (не будем называть какую) на счет отделения пластической хирургии. Она давно была недовольна формой своего носа и теперь решила заняться им вплотную, чтобы оставить старую внешность в прошлом со всеми его бедами и несчастьями и войти в будущее с новым лицом.

В банке Марго с удивлением выяснила, что все ее счета аннулированы, кредитные карточки, подаренные ей ее избранником, превратились в бессмысленный пластиковый мусор...

Так Марго вернулась в журналистику.

Ей пришлось начинать все сначала, но старые знакомства и литературные способности помогли, и вскоре Марго стала желанным автором во многих глянцевого изданиях. Писала она бойко, а ее выпады в адрес мужского пола были полны редкой наблюдательности и неприкрытого сарказма. Читателям это нравилось.

Жизнь потихоньку налаживалась, но тут свалилась другая напасть. Однажды старый приятель Ларин пригласил Марго сыграть в покер. Марго тогда «наслаждалась» холостой жизнью и охотно пускалась в разного рода авантюры, лишь бы отвлечься от неприятных мыслей. Неожиданно игра затянула Марго. В первый раз ей повезло. Повезло и во второй. А в третий Марго, поверившая, что удача будет сопутствовать ей вечно, пошла на большой риск и, как это часто бывает, проигралась в пух и прах.

Соперник, человек пожилой, солидный и добродушный, был готов простить Марго долг. «Вы женщина, а я не воюю с женщинами, – сказал он, поигрывая фишками. – Отдадите, когда захотите. Ну а не захотите...» Тут он лишь равнодушно пожал плечами.

Любая другая на месте Марго обрадовалась бы такой возможности, но только не Марго. Увидев снисходительную улыбку на лице противника, она почувствовала себя уязвленной и сердито ответила:

– Мне поблажки не нужны. Через три дня деньги будут у вас. И перестаньте ухмыляться как дурак.

Улыбка исчезла с губ противника.

– Хотите играть по-мужски? Пожалуйста, – сказал он. – Если через три дня денег не будет, я поставлю вас «на счетчик».

Разговор, таким образом, был окончен.

Марго совершенно не представляла, где достать денег, и была в отчаянии. Она хотела посоветоваться с подругами, но ни одной не оказалось в городе. Куда-то подевался и Ларин.

Подвернувшийся знакомый рассказал Марго, что есть возможность занять деньги у одного богатого чеченского бизнесмена, и Марго, не колеблясь ни минуты, тут же к нему обратилась.

«Только верни ему долг в срок, иначе он тебя не пожалеет», – предостерегал старый знакомый. Марго, как всегда, пропустила предостережение мимо ушей. Она давно уже жила одним днем и была слишком самоуверенна и беспечна, чтобы думать о будущем. И будущее ей этого не простило.

Однажды на пороге ее квартиры выросли два темноволосых нукера, похожих на доберманов, и вежливо поинтересовались, не намерена ли она вернуть долг Аслану Рамзановичу. Марго была не намерена. Тогда один из нукеров-доберманов, тем же вежливым и спокойным голосом, сообщил Марго, что Аслан Рамзанович дает ей еще несколько дней, и если долг не будет возвращен, Аслан Рамзанович вырежет ей сердце и съест его на завтрак.

После чего оба нукера удалились, а Марго забралась с ногами на диван, обхватила коленки руками и задумалась о своем безотрадном будущем. Слова нукеров можно было бы принять за браваду, но несколькими днями раньше Марго навела справки и узнала, что Аслан Рамзанович всегда выполняет свои обещания. И если он пообещал съесть ее сердце, то, скорей всего, так оно и будет.

Однако Марго не собиралась сдаваться. Работая с утра до ночи и с ночи до утра, она довольно быстро сумела вернуть Аслану Рамзановичу большую часть долга, но оставшаяся часть вместе с набегавшими процентами висела над ней дамокловым мечом.

Находились, конечно, желающие помочь ей – не женщины, а мужчины (потому что у кого ж еще деньги, как не у мужчин). Одни предлагали деньги с пакостной улыбкой на физиономиях, недвусмысленно намекая на необходимость «ответного хода», другие, такие как Артур Ларин, – из искренних дружеских побуждений. Но Марго твердо решила не принимать от мужчин помощи. Возможно, она поступила глупо и недальновидно, но ведь главной чертой характера Марго была отнюдь не дальновидность, главной чертой ее характера было упрямство.

Кстати, о Ларине. Одно время он ухаживал за Марго, но Марго быстро расставила все точки над «i», заявив, что между ними не может быть ничего, кроме дружбы. И Ларин смирился. Он вообще отличался наплевательским отношением к миру. Есть восторженные натуры, которые смотрят на мир как бы сквозь телескоп и, куда ни глянут, всюду видят лишь звезды да серебристые туманности.

Но есть и такие, которые разглядывают мир через микроскоп, и в их представлении человеческое общество – не более чем скопище копошащихся микробов. К числу таких циничных наблюдателей относился вечно небритый и неизменно насмешливый Артур Ларин. Но Марго он нравился, по большей части тем, что не скрывал своего презрительно-равнодушного отношения к миру. Он был единственным мужчиной, с которым Марго могла дружить, и, как ни странно, Ларин ценил это.

Но вернемся к нашей истории.

С тех пор как Марго и отец Андрей вошли в бар, на улице заметно похолодало. Небо затянули низкие тучи, начал накрапывать дождь. На фоне темного неба одиноко колыхалась растяжка с рекламой кока-колы. Миновав Большой театр, Марго и дьякон спустились в подземный переход и через минуту вынырнули с другой его стороны. Отец Андрей остановился и сказал:

– Вот мы и пришли.

– Куда пришли? – не поняла Марго.

Он показал на большое, ярко освещенное здание:

– Взгляните на это.

– На что? Я ничего не вижу, кроме гостиницы.

– Она-то нам и нужна. Видите мозаику на фасаде гостиницы?

Марго задрала голову и прищурилась.

– Что-то вижу.
– Она сделана из майолики, – продолжил дьякон. – Называется «Поклонение божеству». Фреска Джотто из альбома Тихомирова называется «Поклонение волхвов». Похоже, правда?
– Допустим. Но при чем тут Ницше?
– Сейчас плохо видно, но на фасаде есть надпись. Вон там, над третьим этажом, видите? Марго снова прищурилась и попыталась прочесть надпись на фасаде гостиницы.
– Что-то про диктатуру пролетариата? – неуверенно проговорила она.
– «Только диктатура пролетариата способна освободить человечество от гнета капитала». Это цитата из Ленина. Но раньше на ее месте была другая. Там было написано: «Опять старая истина: когда выстроишь дом, то замечаешь, что научился кое-чему».
– Весьма познавательно, – сказала Марго. – Но при чем тут профессор Тихомиров и его книги?
– Это цитата из Ницше, – просто ответил дьякон.

* * *

– Цитата из Ницше? В центре Москвы? – недоумевала Марго. – Как она здесь оказалась?
– По прямому указанию «спонсора проекта» – Саввы Морозова, – ответил дьякон.
– Откуда вы вообще узнали про эту цитату?
– Мне ее показывал отец. Еще когда я учился в школе.
– Ясно, – кивнула Марго. – Итак, подведем итоги. Профессор Тихомиров отправил вам призыв о помощи и оставил три подсказки. Первая – инициалы Иисуса Христа. Вторая – фреска «Поклонение волхвов». Третья – книжка Ницше. Эти три подсказки привели нас сюда, к гостинице «Метрополь». Так?
– Так, – кивнул дьякон.
– И что мы будем делать дальше? Разберем гостиницу по кирпичику?
– Полагаю, нужно войти внутрь и посмотреть, что будет.
Марго почесала ноготком переносицу, еще раз осмотрела фасад гостиницы, повернулась к отцу Андрею и сказала:
– Тогда какого черта мы здесь стоим? Пойдемте скорее!
Она схватила дьякона под руку и нетерпеливо потянула его к тяжелой деревянной двери отеля.
Войдя в холл, они остановились и осмотрелись. Тут и впрямь было на что посмотреть. По стенам мерцали зеркала. Под потолком висела огромная хрустальная люстра. Все говорило о роскоши и состоятельности тех немногих счастливчиков, которые способны, не поморщившись, выложить четыреста долларов в сутки за номер с плюшевыми креслами и потемневшими от времени пейзажами на стенах.
– Роскошно, – сказала Марго. – Только что мы будем делать дальше? – Она взглянула на стойку и вдруг шепнула: – Смотрите! Мне показалось или портье подал нам знак?
– Мне кажется, он вам просто улыбнулся, – сказал дьякон. – Это его работа – улыбаться посетителям.
– Эта улыбка не похожа на дежурную, – возразила Марго. – Знаете что, давайте подойдем и спросим, что его так развеселило.
Она взяла дьякона под руку и решительно направилась к стойке.
– Добрый день! – снова улыбнулся ей портье. – Вы пришли за конвертом?
– Вообще-то, мы... – начал было отец Андрей, но Марго не дала ему договорить.
– Да! – кивнула она и незаметно дернула дьякона за рукав рясы. – Он у вас?
– Конечно, – ответил портье, нагнулся, немного порывшись под стойкой, затем все с той же приветливой улыбкой на румянном лице положил на стойку белый конверт из плотной бумаги.

– Нам нужно где-то расписаться? – поинтересовалась Марго.

Портье качнул аккуратно причесанной головой:

– Нет.

– Значит, мы можем его забрать?

– Конечно! Он ведь ваш!

Марго взяла конверт со стойки и взвесила его на ладони. Посмотрела на портье и спросила:

– А что в нем?

– Понятия не имею, – ответил тот.

– Кто его оставил?

Куцые бровки портье взлетели вверх.

– Как? – удивленно сказал он. – А вы разве не знаете?

Марго нетерпеливо поморщилась.

– Послушай, дорогуша, тебе что, лень лишний раз пошевелить языком? Ну хорошо...

Новенькая десятидолларовая купюра в мгновение ока перекочевала из сумочки Марго в карман брюк портье.

– Итак, кто его оставил? – снова спросила Марго.

– Конверт мне дал старик, – с готовностью отчеканил портье. – Невысокий, седой. У него еще была трость... такая – с круглым набалдашником.

– Профессор Тихомиров?

Портье пожал плечами:

– Не знаю. Он не представился. Сказал только, что за конвертом придут женщина и мужчина. Женщина будет красивая. Вот такая, как вы. А мужчина... – Портье перевел взгляд на отца Андрея, – мужчина священник.

Марго вновь схватила дьякона за руку и потащила его к креслам. Усевшись, она тут же принялась вскрывать конверт. Вскрыла и с величайшей осторожностью достала из него сложенный листок бумаги. Так же осторожно развернула его, изучила сперва с одной стороны, затем – так же внимательно – с другой. Протянула отцу Андрею:

– Взгляните!

Дьякон взял листок и внимательно его осмотрел.

– Ничего не понимаю, – сказал он. – Это же страница из журнала.

– Угадали.

На одной стороне листа была изображена рекламная картинка – мужчина, прогуливающийся по парку с белой пятнистой собакой. Рекламировались непромокаемые ботинки немецкой фирмы «Страус». «Все путем!» – гласил рекламный слоган. На другой стороне листа, поперек какого-то текста, шариковой ручкой было написано: «Памятник Гоголю!»

– Что вы об этом думаете? – поинтересовалась у дьякона Марго.

– Если следовать той же логике, которая привела нас сюда, то можно предположить следующее: возле памятника Гоголю мы встретим человека с собакой на поводке.

– Ага, – усмехнулась Марго. – Но лишь в том случае, если придем к памятнику Гоголя в непромокаемых ботинках фирмы «Страус».

Отец Андрей улыбнулся, затем еще раз взглянул на картинку и сказал:

– Возможно, и так. Кстати, это не просто собака, это далматинец. Весьма приметная порода. Полагаю, нам с вами не помешает прогуляться до памятника Гоголю. Вы как, со мной?

– Я? – Марго возмущенно фыркнула. – Это скорее вы со мной, а не я с вами!

– Пусть так, – покорно согласился дьякон. – Но знаете, в Москве ведь есть два памятника Гоголю. Один – на Гоголевском бульваре, второй – во дворе дома на Никитском. Какой из двух выберем?

– Тот, что на Гоголевском, разумеется.

Дьякон посмотрел на журналистку с сомнением.

– Можно узнать – почему? – вежливо осведомился он.

Марго подумала и ответила:

– Потому что я так хочу.

3. Человек с далматинцем

Вечерело. Темные тени деревьев падали на красную гравийную дорожку Гоголевского бульвара, образуя причудливые переплетения. Народу было мало. Изредка встречались влюбленные парочки, жавшиеся друг к другу на обшарпанных скамейках, как большие замерзшие птицы. Впрочем, вечер был не таким уж и холодным.

Пойдя по темной аллее бульвара, Марго и отец Андрей остановились перед бронзовым Гоголем, вдохновенно вскинувшим руку в направлении рекламного щита с полуголой красоткой, показывающей, как ловко она умеет управляться со стиральной машиной. Бронзовый, жизнерадостный истукан больше походил на Хлестакова, нежели на самого меланхоличного из русских писателей. Марго посмотрела на памятник, зябко поежилась и сказала недовольным голосом:

– Ну вот он, ваш памятник. И что дальше?

– Дальше будем ждать, – ответил дьякон.

– Сколько?

– Пока не знаю. Давайте присядем.

Они уселись на скамейку. Минута прошла в молчании. Марго зевнула.

– Скажите хоть, чего мы ждем? – спросила она, доставая из сумочки сигареты.

– Не чего, а кого. Уверю вас, если *он* здесь появится, мы его сразу узнаем.

Они еще немного помолчали. Марго сидела в глубокой задумчивости, забыв про сигарету, дымившуюся в ее тонких пальцах. Брови ее скорбно сошлись на переносице, темно-карие глаза смотрели растерянно и грустно. Можно было предположить, что это место напомнило ей о чем-то – о чем-то таком, что она тщетно пыталась забыть. Дьякон тоже погрузился в задумчивость. Изредка он искоса поглядывал на Марго, но ничего не говорил.

– Вы женаты? – спросила вдруг Марго, поворачиваясь к дьякону.

– Нет, не женат, – спокойно ответил отец Андрей. Казалось, он ничуть не удивился вопросу.

– Не видите смысла в институте брака?

– Напротив, если в мирской жизни есть какой-то смысл, то он заключается в институте брака и семьи.

Марго покусала нижнюю губу и спросила:

– Тогда почему?

– Просто мне не повезло, – так же спокойно ответил дьякон. – Не удалось встретить женщину, с которой я захотел бы прожить всю жизнь.

– Для брака это необязательно, – сказала Марго. – Многие женятся и по более пустяковому поводу.

– Боюсь, что это не мой случай, – ответил дьякон.

Подул ветер. Марго подняла воротник плаща, посмотрела на часики и вздохнула.

– И сколько нам еще ждать? – поинтересовалась она.

Отец Андрей невозмутимо поднял руку и тоже посмотрел на часы.

– Сейчас без десяти девять, – сказал он. – Давайте подождем еще двадцать минут.

– А что будет через двадцать минут?

– Девять часов, одиннадцать минут, – ответил дьякон.

Марго прищурила карие глаза.

– Думаете, время на остановившихся часах Тихомирова как-то связано с тем, что должно произойти здесь? – недоверчиво проговорила она.

– Через двадцать минут мы это узнаем, – ответил дьякон.

Время текло медленно. Марго то и дело поглядывала на часы. Чтобы унять волнение, она снова закурила. Выпустила аккуратное колечко дыма да так и застыла с открытым ртом. Отец Андрей вопросительно вскинул брови. Марго молча показала глазами. Он обернулся.

По темной аллее неспешной походкой шел высокий, толстый мужчина в клетчатом пиджаке. Седеющие волосы мужчины были всклокочены. Во всей его фигуре – несмотря на то, что одет он был вполне прилично – сквозило что-то глубоко запущенное, затрапезное. Словно обладатель клетчатого пиджака давно и основательно махнул на себя рукой. Высокий толстяк был совсем не похож на жизнерадостного молодца с рекламной картинки, однако на поводке он вел подвижного, поджарого пса далматинской породы.

Марго слотнула слюну:

– Ну? – взволнованно спросила она. – И что мы будем делать дальше?

– Нужно подойти и заговорить с ним, – сказал дьякон.

– А если он пошлет нас к черту?

Отец Андрей качнул головой.

– Это вряд ли. Я просто подойду к нему и поинтересуюсь, помнит ли он профессора Тихомирова. А потом...

Марго округлила глаза.

– Вы с ума сошли? Кто же в подобных делах действует напрямую?

– А что вы предлагаете? – слегка растерявшись, спросил отец Андрей.

Марго насмешливо проговорила:

– Эх, батюшка, всему-то вас надо учить. Сперва нужно расположить его к себе, найти с ним точки соприкосновения, нащупать общую тему для разговора. Вы что, Дейла Карнеги не читали?

– Кого?

Марго махнула рукой:

– Ладно. Придется преподавать вам мастер-класс. Учитесь, пока я жива.

Дьякон попытался что-то сказать, но Марго, не обращая на него внимания, вскочила со скамейки и решительным шагом направилась к человеку с далматинцем.

– Здравствуйте! – сказала она, подходя к толстяку и протягивая ему руку.

Мужчина остановился, удивленно посмотрел на Марго, затем перевел взгляд на протянутую руку.

– Вечер добрый, – пробасил он, неуверенно пожимая пальцы Марго своей огромной, неуклюжей лапой. – А вы, простите...

– Красивая собачка, – сказала Марго, глядя на пятнистого пса, с любопытством обнюхивающего ее ногу. – Это ведь далматинец?

Толстяк с любовью посмотрел на пса и широко улыбнулся:

– О да! Далматинец чистой воды!

– Забавный окрас, – сказала Марго. – В детстве у меня была такая же шубка – белая, с черными пятнами.

Толстяк нахмурился.

– Милая девушка, – снова забасил он, но уже далеко не так приветливо, как вначале, – возможно, мы знакомы, но я...

– Профессор Белкин, если не ошибаюсь? – услышал он над самым ухом и повернул голову.

При виде человека в рясе лицо толстяка стало еще более удивленным.

– Доцент Белкин, – поправил он. – А вы...

– Дьякон Андрей Берснев. Мы с вами встречались на конференции в Калуге.

– Дьякон?... А, да-да! – На пухлых губах толстяка появилась неуверенная улыбка. Он пристально взгляделся в лицо отца Андрея и облегченно вздохнул: – Теперь я вас действительно вспомнил. Это ведь вы читали доклад о раскопках на Кобяковском городище?

– Было дело, – сказал отец Андрей.

– Кхе-х! Ваша дискуссия с профессором Миллером была на редкость интересной! Хотя, как человек науки, должен сказать, что от ваших утверждений пахнет средневековой ересью. Простите, что не узнал вас сразу – все моя проклятая рассеянность. Представьте себе, сегодня утром, отправляясь на семинар, я перепутал аудитории. Аудитория пуста, как Царь-колокол, голова тяжелая – как чугунное ядро возле Царь-пушки. К тому же перед глазами все плывет. Нелепейшая ситуация! Сказать по правде, я почти запаниковал!

– Да что вы!

– Честное слово!

Отец Андрей и толстяк рассмеялись.

– Ну и как ваши дела? – поинтересовался дьякон.

– Чудесно, чудесно!

Марго кашлянула в кулак. Толстяк вздрогнул и испуганно на нее посмотрел.

– А что же, – пробормотал он, слегка наклоняясь к дьякону, – эта странная девушка с вами?

– Со мной, – кивнул отец Андрей.

Несколько секунд толстяк недоверчиво таращился на Марго, затем, будучи, видимо, по натуре человеком незлобивым и добродушным, решил сменить гнев на милость и улыбнулся.

– Что ж, раз такое дело... Вы меня представите вашей спутнице?

– Разумеется. Марго, знакомьтесь, это Владимир Иванович Белкин. Он историк.

Марго протянула толстяку руку.

– А я Марго. Просто Марго.

– Очарован! Весьма очарован! – Белкин, неуклюже поклонившись, поцеловал ей руку. – Как там у Горация? – снова забасил он. – «Эта понравится вмиг, а иная – с десятого раза».

Марго хотела ответить в том роде, что Гораций – ее любимый поэт и что она чрезвычайно рада познакомиться со столь умным и образованным собеседником, но дьякон опять все испортил.

– Владимир Иванович, вы слышали, что случилось с профессором Тихомировым? – прямо спросил он у толстяка.

– Да, слышал, – кивнул тот. – Прискорбно. Весьма прискорбно... Большая потеря для российской науки.

– Не далее как вчера утром, в сквере у Андроникова монастыря, мы с профессором беседовали о фресках Андрея Рублева, – продолжил дьякон, исподволь изучая лицо доцента Белкина. – Вернее, о том, что от них осталось.

– Андроников монастырь? – вскинул лохматую голову Белкин. – Так-так. Значит, Аскольд интересовался уничтоженными фресками? Любопытно.

– Вы с ним об этом говорили?

Белкин грустно покачал всклокоченной головой:

– Нет. Но Рублева я ценю и уважаю. Истинный был гений, не то что нынешние маляры. Какатум нон эст пикту¹ как говорили древние. – Историк вдруг бодро вскинул голову и взгляделся во тьму. – Кстати, насчет какатума – кажется, мой славный песик соорудил очередную вавилонскую башню в миниатюре. С вашего позволения я на минутку отлучусь.

– Конечно.

¹ Нагажено – не нарисовано (лат.).

Профессор Белкин двинулся к присевшему под деревом псу, доставая на ходу из кармана полиэтиленовый пакет.

Марго сердито посмотрела на дьякона.

– Так вы с самого начала знали, кто это? – тихо спросила она.

– Я не был уверен, – ответил отец Андрей.

– Ясно. Послали меня к нему, чтобы выставить дурой?

– Вы не спрашивали у меня разрешения.

– Но вы могли бы сказать!

– Повторяю – я не был уверен. Кроме того, я пытался вас остановить, но вы меня не слушали.

Белкин вернулся, покрасневший и улыбающийся.

– Если бы вы знали, как я рад нашей встрече, друзья! – пробасил он. – Есть, правда, одно досадное «но», которое слегка омрачает мою радость. Видите ли, мои дорогие, я себя сегодня неважно чувствую. Между нами говоря, меня слегка мутит. И в голове, знаете ли... словно колокол бухает. Уж не к непогоде ли, как вы думаете?

– Мне эти симптомы знакомы, – сказал отец Андрей. – Что, если нам зайти куда-нибудь и выпить по рюмке водки с горячей закуской? За встречу.

– Вы думаете? – с сомнением в голосе спросил Белкин.

– Как говорили древние, «противное следует лечить еще более противным», – ответил на это отец Андрей.

Белкин посмотрел на дьякона с явным одобрением.

– Что ж, может быть, может быть. Вот только... зачем же куда-то заходить? По рюмке водки мы можем выпить и у меня дома. Правда, горячую закуску вам обещать не могу. Закрома мои пусты.

– Эту проблему легко решить, – встряла в разговор Марго. – Тут поблизости есть гастроном. Зайдем в него и купим все, что нам нужно.

– Да будет так! – кивнул Белкин. – Гектор! Гектор, идем, мой мальчик! Наши добрые друзья пожелали угостить нас соленой лососиной и свежайшей бужениной! Я не могу им этого запретить!

Далматинец подбежал к хозяину и ткнулся ему в ладонь мокрым носом. Затем покосился на незнакомцев и нерешительно вильнул хвостом.

– Это друзья, малыш, – сообщил псу Белкин. – Будь с ними поласковее.

Далматинец словно только и ждал этих слов. Он подошел к отцу Андрею и ткнулся носом ему в колени. Отец Андрей погладил пса по голове. Марго тоже хотела погладить, но далматинец предостерегающе приподнял черную губу, и она торопливо отдернула руку.

– Хороший мальчик, – пробормотала она, натянуто улыбнувшись.

Несколько минут спустя троица подошла к гастроному. Белкин был оживлен и болтал без перерыва. Было видно, что толстяк чрезвычайно рад неожиданной встрече, обещающей ему приятный вечер. Перед дверью гастронома Белкин остановился и, предостерегающе подняв палец, провозгласил:

– Только умоляю вас, друзья, ни в коем случае не покупайте медовую с перцем! Я не смогу ее пить!

– Почему? – поинтересовалась Марго.

– Видите ли, моя милая, с этим связана одна неприятная история. В Средние века во Фракии существовало тайное общество мессалиан. Они заключили договор с силами ада. Их даже называли borboros – нечисть. Так вот, эти самые мессалиане в ритуальных целях пожирали младенцев. Но перед этим толкли их тела в ступе, перемешивая с перцем и медом.

Марго передернула плечами.

– Умеете вы подбодрить человека, – с досадой сказала она. – Только про салат ничего не рассказывайте, иначе сегодня вечером я останусь голодной. Водку-то вы хоть пьете?

– Водку – да, – улыбнулся Белкин. – Если вы не против, я постою здесь, – добавил он. – С собакой в магазин не пускают.

Марго и отец Андрей скрылись в гастрономе, а Белкин остался снаружи. Он стоял в рассеянной задумчивости. Пятнистая собака сидела рядом с ним, неподвижная и спокойная, как сфинкс. Влажный вечерний город был ярко освещен рыжими фонарями. Снова начал накрапывать дождь. Мимо, щупая мокрую дорогу фарами и надсадно гудя, проезжали машины. В воздухе пахло бензином, мокрыми листьями и прибитой пылью. Ярко сверкали вывески баров и магазинов.

– Москва, Москва... – пробормотал Белкин, провожая рассеянным взглядом пробегающие машины. – И куда же ты мчишься, дорогая?

Наконец с покупками в руках появились Марго и дьякон. Лицо Белкина просветлело, и он шагнул им навстречу.

* * *

Квартирка у историка Белкина оказалась небольшой, но уютной. На выцветших бежевых обоях висели картины и гравюры в изящных багетах. В углу маленькой гостиной стоял торшер на витой бронзовой ножке. Стеллажи, занимавшие одну из стен, были полностью уставлены книгами. Тут же стояли фотографии – в основном черно-белые, старые, в деревянных дешевых рамках. Сквозь стекла благостно и спокойно взирали на мир лица родственников и друзей доцента, многих из которых, по всей вероятности, уже не было в живых. Несмотря на идеальный порядок, а может – благодаря ему, комната имела какой-то странный, неживой и нежилой вид.

Показав гостям комнату, Белкин увлек их на кухню. По всему было видно, что в последние годы кухня стала самым обитаемым местом в квартире. Возле мусорного ведра, приютившегося в углу, выстроились разнокалиберные бутылки, как потрепанный отряд ополченцев, проигравших бой и сдавшихся на милость врагу.

Белкин перехватил взгляд Марго, слегка порозовел и заговорил быстрым, сбивающимся голосом, суетливо размахивая руками:

– Друзья мои, устраивайтесь поудобнее и не обращайтесь на бардак. Особенно вы, Марго. Могу себе представить, какое омерзение вызывают у вас эти *litore castis inimical puellis*² С вашего позволения, я на пять минут отлучусь. Мне нужно переодеться к ужину.

Историк как-то нелепо хихикнул и бочком вышел из кухни.

Марго огляделась. На кухне и в самом деле было уютно. Над столом висел оранжевый абажур с длинной бахромой. К тому же за окном шумел дождь, и от этого сидеть в теплой кухне под оранжевым абажуром было вдвойне приятно.

Пока Белкин переодевался, Марго быстро нарезала закуску и разложила ее по тарелкам. Дьякон тем временем мелко порубил зелень и посыпал ею соленую красную рыбу. Вскоре вернулся и историк. Он был одет в строгий темно-синий костюм. В петлице пиджака красовалась китайская роза.

– О боги, какая красота! – прогудел Белкин, увидев накрытый стол. – Воистину женские руки способны делать чудеса!

– Перестаньте расточать комплименты, если не хотите остаться без ужина, – строго сказала ему Марго.

Ученый приподнял брови и улыбнулся:

² Берега, враждебные чистым девам (*лат.*).

– Вы не любите комплименты?

– Только заслуженные. А разложить мясо по тарелкам способен даже... даже ваш Гектор. Услышав свое имя, пес, вошедший на кухню вслед за Белкиным, поднял голову и гавкнул.

Марго вздрогнула, и Белкин строго сказал псу:

– Ну? И зачем ты, хулиган, пугаешь нашу гостью? Иди, попроси прощения.

Пес вильнул хвостом и с опущенной головой приблизился к Марго. Опасливо поглядывая на пса, она коснулась пальцами его белой, гладкой головы и сказала:

– Хороший песик. Иди к папочке.

Пес, однако, не спешил отходить.

– Вы ему понравились, – с мягкой улыбкой сообщил Белкин.

Марго пожала плечами.

– Конечно. Он же кобель.

Наконец сели за стол. Выпили по первой, закусили. Лицо Белкина слегка порозовело, хотя на нем по-прежнему лежала как бы печать запустения, такого же чистого и неизбежного, какое царило в гостиной.

– А вы, отец Андрей, простите, при какой церкви служите? – поинтересовался Белкин у дьякона, ловко подхватывая вилкой кусок буженины.

– Прислуживаю в храме святого Иоанна Предтечи, – ответил тот.

– Как же вас на все хватает – и лекции читать, и в храме э-э... работать?

– В храме я прислуживаю только по субботам и воскресеньям. В будни, с благословения Святейшего Патриарха, читаю лекции в университете. Занимаюсь миссионерской деятельностью. Если, конечно, это можно так назвать.

– Отчего же нельзя? – одобрительно прогудел Белкин. – В наше дикое время без миссионеров никак. Современный человек уверен, что ежели из крана сама собой льется вода, а микроволновая печь сама печет пирожки, то и вопрос первопричины бытия решается сам собой. Однако цивилизация, даже такая развитая, как наша, не способна заменить людям Бога.

– С развитой как раз все проблемы, – вздохнул дьякон.

Белкин посмотрел, прищурившись, на вилку и сказал:

– Вы правы. Люди смотрят на звездное небо и знают, что над головами у них летают не ангелы, а искусственные спутники. Человек умудрился наследить даже на Луне. Какие уж тут тайны!

– Значит, вы разочаровались в науке? – осведомился дьякон.

– Если считать, что я когда-то был ею очарован, то да, – с печальной улыбкой ответил Белкин.

– По-вашему выходит, что наука вредит человечеству? – спросила Марго, посчитав, что и для нее пришло время вмешаться в разговор.

– Телу, конечно, нет, – ответил, поворачиваясь к ней, Белкин. – Но душе – определенно.

– Если допустить, что в теле человека действительно есть душа, – с умным видом заметила Марго.

Белкин несколько секунд смотрел на нее в упор и лишь затем ответил:

– Все в мире говорит о ее наличии. В несовершенном мире мы грезим о совершенстве, в конечном – о бесконечности. Откуда в конечном теле это знание бесконечного? Ведь если человек всю жизнь ест соль и никогда не пробовал сахара, то вряд ли он сможет представить себе его вкус. А мы представляем, причем вполне определенно. Мы просто отвыкли доверяться своему чутью. А ведь чутье надежнее переменчивой и избирательной памяти.

– И все же я на стороне науки, – сказала Марго. – По крайней мере, благодаря ей я знаю, почему я не улечу в небо, как бы высоко я ни подпрыгнула.

– И почему же? – поинтересовался доцент Белкин.

– Потому что на меня действует земное притяжение, – веско ответила Марго.

Белкин поднял голову, посмотрел на муху, ползающую по потолку, показал на нее толстым пальцем и сказал:

– Хорошо, что муха об этом не знает.

Он подмигнул дьякону и засмеялся.

– Да ну вас! – фыркнула Марго.

Дьякон улыбнулся, потом взял бутылку и разлил водку по рюмкам.

– Лейте до краев, так я скорее напьюсь! – весело сказал Белкин. – А когда я напьюсь, я буду ужасно забавен!

После четвертой рюмки Белкин хлопнул дьякона по плечу и с воодушевлением произнес:

– Друзья мои, как я рад, что вы заглянули ко мне на огонек! Я, видите ли, человек довольно одинокий. Нет, конечно, у меня есть дочь и так далее. Но... – Белкин вздохнул. – Должен признать, дочь заходит ко мне редко. Крайне редко. Что до жены, то мы с ней давно в разводе. Ужиться с ученым непросто. Друзья мои, давайте выпьем!

Выпив пятую рюмку, Белкин удалился в туалет. Воспользовавшись его отсутствием, Марго тихо и слегка раздраженно проговорила дьякону на ухо:

– Не знаю, как вы, а я ничего не понимаю. Почему Тихомиров указал на Белкина? Что этот толстяк от нас прячет?

– Возможно, он и сам об этом не знает, – ответил отец Андрей.

– Так что же нам делать? Не можем же мы сидеть тут до бесконечности.

– Это не понадобится. Все разрешится само собой, нужно только немного подождать. Дайте ему выговориться. Наберитесь терпения.

Седьмая рюмка окончательно развязала Белкину язык.

– Историки похожи на составителей каталогов редких книг, – разглагольствовал он, качая перед лицом толстым пальцем. – Те описывают книги, которые в глаза не видели, получая информацию из вторых рук и полностью доверяя ей. Вот так же и историки. Дело в том, что в мире крайне мало первоисточников. При составлении летописи человечества историкам приходилось иметь дело с копиями. Допустим, сидит в монастыре какой-нибудь монах и переписывает ветхие страницы, которые буквально рассыпаются у него в руках от старости... Ну или возьмем ситуацию попроще: на странице древней рукописи монах увидел пятно, сквозь которое он кое-как разобрал изречение, которое не вяжется с его моральным уставом. А теперь скажите мне: что мешает монаху внести изменения в текст? Так сказать, добавить отсебятины! – Белкин усмехнулся и сам себе ответил: – Ни-че-го.

– А как же совесть и ответственность перед потомками? – поинтересовалась Марго.

– Совесть? – Белкин улыбнулся. – Наш монах – человек верующий, и совесть диктует ему изменить строчки, которые он считает крамольными или неточными, в пользу собственных религиозных убеждений.

– И что, в истории много таких примеров?

– Да сколько угодно! – пьяно улыбнулся Белкин.

– А как же религиозные тексты? В них тоже есть ошибки? – усомнилась Марго.

– А как же! Вот вы, например, знаете, что до девятнадцатого века ветхозаветный пророк Моисей изображался в Библиях рогатым? «И егда схожаше Моисей с горы – рогато бе лицо его»! – процитировал Белкин, подняв палец.

– И кто же посмел наставить благородному старцу рога? – поинтересовалась Марго.

– Рога ему наставили первые переводчики Ветхого Завета, – ответил Белкин. – В арамейском тексте слово «керен» означает и «луч» и «рог» одновременно. Вот они и перевели вместо «лучистого лица» – «рогатое лицо». С греческого варианта Ветхого Завета делались переводы на другие языки, в том числе на итальянский и русский. Так Моисей обзавелся симпатичными рогами и носил их несколько столетий, пока в девятнадцатом веке ученые не сверили заново текст и не лишили старца этой сомнительной привилегии.

– Одна маленькая ошибка, и какие последствия, – задумчиво проговорила Марго.

– Именно! А вы говорите «история»! – Белкин развязно усмехнулся. – История – дама чопорная. Она блюдет себя, как старая дева, и не спешит показывать свои морщинистые прелести первому встречному.

Отец Андрей и Марго переглянулись.

– Про морщинистые прелести – это вы здорово, – похвалила Марго. – Но как же тогда разобраться, где правда, а где выдумка?

Белкин вытянул указательный палец и ткнул им себя в висок.

– Только так и никак иначе, – сказал он.

– Застрелиться, что ли? – удивленно вскинула брови Марго.

Белкин засмеялся:

– Ну почему же сразу застрелиться? Я совсем не это имел в виду. Просто, встречаясь с проблемой, нужно всегда обращаться за помощью к здравому смыслу.

Историк подцепил вилкой кусок рыбы и сунул его в рот.

– Для того чтобы посягнуть на общепринятую истину, нужна смелость, – изрек он, усердно работая челюстями. – И эта смелость была у профессора Тихомирова. Он не боялся осуждения со стороны академического сообщества.

– А что, академическое сообщество может здорово попортить ученому кровь?

– А как же! В сущности, наука – это та же религия. Адепты ортодоксальной науки не терпят ересей и готовы сжечь на костре любого, кто посягнет на «незыблемые» истины. В свое время инквизиторы так же поступали с еретиками. Конечно, я выражаюсь фигурально. Слава богу, в наше время никто никого не сжигает. Но лишиться уважения коллег, а вместе с ним и профессорской кафедры можно запросто.

Марго ткнула под столом отца Андрея ногой.

Отец Андрей тут же прямо спросил:

– Владимир Иванович, о чем была последняя книга Тихомирова?

Белкин печально усмехнулся:

– Дорого бы я дал за то, чтобы суметь ответить на этот вопрос. Но увы... Наши пути разошлись полтора года назад, когда я на заседании кафедры поддержал противников Тихомирова. С тех пор он даже руки мне не подавал.

Белкин горестно вздохнул и снова взялся за бутылку. Марго посмотрела, как он наливает, перевела взгляд на его раскрасневшееся лицо и вдруг сказала:

– Владимир Иванович, знаете, о чем я подумала? А что, если переводчики не ошиблись? Что, если лицо Моисея и правда обросло ужасными рогами? Или вернее – наростами, как после ожогов. Ведь Бог явился к нему в виде горящего куста?

Белкин поставил бутылку и удивленно посмотрел на Марго.

– Очень мудрая мысль, – сказал он. – Свет истины способен испепелить и самого сильного духом человека. «Бога скрывают семьдесят тысяч покровов света и тьмы. И если поднять эти покровы, даже я буду истреблен!»

Звонок в дверь заставил Марго вздрогнуть.

Белкин нахмурил брови и положил ей руку на ладонь.

– Не беспокойтесь, – мягко произнес он, глядя на журналистку красноватыми, блестящими от выпитого глазами. – Это, наверно, кто-нибудь из соседей. Они постоянно заходят ко мне за солью или сахаром. А взамен поливают цветы, когда меня нет дома.

– Почему именно к вам?

– Потому что я чудовищно запаслив.

Белкин добродушно засмеялся, затем поднялся из-за стола и, все еще посмеиваясь, направился в прихожую.

– По-моему, мы зря сюда притащились, – недовольно произнесла Марго, когда он вышел из кухни. – Только время впустую потратили.

– Вечер еще не закончен, – возразил отец Андрей. – Посмотрим, что будет дальше.

Скрипнула дверь, вслед за тем из прихожей послышались приглушенные голоса. Марго напрягла слух и услышала следующий милый диалог.

– Ну что ты на меня злишься, душа моя? – тихо пробубнил Белкин.

– Опять навел в дом алкашей? – ответил ему сварливый женский голос.

– Ну зачем ты так? Ко мне зашли старые друзья. Они вполне приличные люди.

– Приличные? А пьют за свои наличные?

– Как тебе не стыдно!

– Ты лучше тень свою постыди за то, что слишком черная. Ладно. На, держи. Чего смотришь, как волк на пучок редиски? Это тебе! С почты сегодня принесли. Все, мне пора. Развлекайтесь!

– Может, посидишь с нами, душа моя?

– Вот еще!

Дверь захлопнулась. В коридоре послышались шаркающие шаги Белкина, а вскоре и сам он появился на пороге.

– Соседка заходила, – сообщил историк смущенным голосом. – Вручила мне бандероль. Вот, полюбуйте – без обратного адреса. Принесли сегодня днем, пока я отсутствовал.

Белкин положил сверток на стол и, не зная, что предпринять, растерянно на него уставился.

– Может, вы посмотрите, что там? – подсказала Марго, стгорая от любопытства.

– Что? Ах да, конечно!

Белкин схватил сверток и попытался разорвать коричневую оберточную бумагу, однако толстые, неуклюжие пальцы профессора отказывались производить столь сложную манипуляцию.

– Дайте сюда, – сказала Марго.

Она в два счета справилась с оберточной бумагой и извлекла на свет божий толстую книгу в коричневом переплете.

– Что это? – пробормотал, щуря близорукие глаза, Белкин.

– Книга. «Словарь астронома». – Марго быстро пролистала страницы, затем посмотрела на форзац и сказала: – Здесь надпись. В стихах.

– Надпись? – недоуменно проговорил Белкин. – Будьте добры, прочтите вслух.

– Я не мастер читать стихи. Но раз вы просите – слушайте:

Года проходят. Близится конец.
На каждый гроб найдется свой жилец.
Не нужно плоть беречь – вот мой совет
(В бесстрашии большого смысла нет),
Коль бесы, а верней – полки червей
В подземных недрах лакомятся ей.
Не ад, не рай, а грусть на дне стакана...
Усмешка губ немного истукана...

– И снизу подпись: «Аскольд Тихомиров 10.54», – закончила Марго.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Белкин. – Какой истукан? При чем здесь истукан? Смахивает на какой-то розыгрыш. Да и стишок так себе.

– Да уж, не Шекспир, – согласилась Марго.

Историк тяжело опустил на стул, Марго же повернулась к дьякону:

– Что это за «десять пятьдесят четыре», как вы думаете? – тихо спросила она. – Дата?.. Но таких дат не бывает. Что же это все значит?

Отец Андрей подумал и ответил:

– Вы правы, это дата. А вернее – год. Тысяча пятьдесят четвертый.

Белкин качнул косматой головой, нахмурился и с усилием потер пальцами красный, складчатый лоб.

– Чертовщина какая-то, – пробормотал он, стараясь задержать и собрать в кучу стремительно разбегающиеся мысли. – Зачем Аскольд прислал мне эту книгу? Я полтора года с ним не разговаривал и вдруг – книга. Как вы думаете, друзья, что означает этот удивительный подарок?

Марго хотела все ему объяснить, но, сообразив, что объяснения будут слишком долгими, а историк не в том состоянии, чтобы выдержать длинный монолог, махнула рукой.

– Это слишком долгая история, – сказала она. – Могу сказать одно: книга адресована не вам, хотя на конверте и стоит ваш адрес.

– Не мне? Кому же она адресована? – удивленно спросил Белкин.

– Нам. Мне и дьякону.

– Вам и... – Белкин отупело посмотрел на отца Андрея. Вновь потер пальцами потный лоб, для удобства слегка его нахмутив. – Гм... Признаюсь, я совершенно сбит с толку. Определенно мне следует пить меньше. Или, по крайней мере, перейти на более легкие напитки...

Он еще что-то бормотал, но Марго перестала его слушать. Она снова повернулась к отцу Андрею.

– Если это год, то что он означает? Что произошло в 1054 году?

Дьякон посмотрел на журналистку удивленно.

– Это одна из основополагающих дат в истории человечества, – сказал он.

Марго усмехнулась, как усмехается человек, которого только что упрекнули в невежестве, но который всем своим видом хочет показать, что не принимает упрека.

– Странно, что я о ней ничего не слышала, – с некоторым вызовом сказала Марго.

Дьякон ответил спокойно и твердо:

– Слышали. Но только позабыли. В 1054 году произошло разделение христианской церкви на православную и католическую.

– Вот оно что. И как это произошло? Напомните, а то я немного подзабыла.

– Папа Лев IX, пытавшийся закрепить свое влияние на Востоке, послал в Константинополь, к патриарху Керулларию, легатов во главе с кардиналом Гумбертом. Гумберт был человек нервный и высокомерный, он относился к Керулларию с явным неуважением, поэтому Керулларий не захотел вести с ним переговоры. Кончилось тем, что легаты написали на Керулларию акт отлучения и положили его во время богослужения на престол Софийской церкви.

– После чего кое-как унесли ноги из Константинополя! – добавил очнувшийся от забытья Белкин. – Друзья мои, простите, что перебиваю, но в тысяча пятьдесят четвертом году случилось еще одно событие. Однажды Тихомиров упоминал при мне эту дату... Если не ошибаюсь, именно в этом году случился огромный взрыв... Настолько огромный, что его наблюдали миллионы человек по всему земному шару!

Марго нахмурила тонкие брови.

– Если он был такой «огромный», то почему я нигде об этом не читала?

– Об этом можно прочесть здесь, – добродушно ответил Белкин и ткнул толстым пальцем в «Словарь астронома».

Тут набрякшие веки историка напоззли на глаза, и он шумно зевнул. В борьбе пожилого доцента с хмелем побеждал хмель.

– Вы поняли, о чем он говорил? – быстро спросила Марго у дьякона.

– Кажется, да, – задумчиво ответил тот. – В тысяча пятьдесят четвертом году произошел взрыв сверхновой звезды. Такое иногда случается во Вселенной. При взрыве огромное количество энергии и вещества разлетается в стороны, и звезда начинает сиять в тысячу раз ярче.

– И такая звезда взорвалась в 1054 году?

– Да, – сказал отец Андрей. – В созвездии Тельца. Она ярко вспыхнула на небе, и свечение ее продолжалось несколько месяцев. От нее осталась Крабовидная туманность, которую и сейчас видно в телескоп. Огромное облако пыли, закрывающее часть звезд.

– И это облако имеет форму краба?

Дьякон улыбнулся.

– Вы все схватываете на лету. Еще пара таких лекций, и вас можно будет запускать в космос.

Марго скривилась.

– Не больно-то резвитесь, – пробурчала она. – Я знаю много такого, о чем вы даже не слышали, но не выпендриваюсь.

– Не сомневаюсь, – мягко сказал отец Андрей.

– Разделение христианства и вспыхнувшая в небе звезда, – задумчиво проговорила Марго. – На какое из двух этих событий намекал Тихомиров?

Тут раздался легкий всхрип. Это историка Белкина сморил алкоголь.

– Пожалуй, нам пора уходить, – сказал дьякон.

– Да, друзья мои... – очнулся вдруг от своей полудремы Белкин. – Я бы и рад еще посидеть, но не могу сосредоточиться. Следует признать, в последнее время я сильно устал... решать на выцветших страницах постылый ребус бытия... А вам желаю успеха. Если найдете клад или что-нибудь в этом роде, не забудьте поделиться.

Голова историка снова упала на грудь, и он громко захрапел.

4. Решение головоломки

– И что мы будем делать теперь? – поинтересовалась Марго у дьякона, когда они снова оказались на улице.

– Прежде всего давайте зайдем куда-нибудь и выпьем кофе, – предложил отец Андрей. – Нужно собраться с мыслями.

– И согреться. – Марго передернула плечами. Она огляделась по сторонам и заметила поблизости неоновую вывеску «Интернет-кафе». – Думаю, это то, что нам надо, – сказала она, кивнув в сторону кафе.

В кафе, по причине позднего часа, было пусто. К столику подошла сонная грудастая официантка, окинула Марго и дьякона равнодушным взглядом и сказала:

– Что будете заказывать?

– Мне «американо», – ответила Марго, зябко поеживаясь.

– Мне тоже, – сказал дьякон. Официантка хотела повернуться, чтобы идти, но тут дьякон легонько тронул ее за локоть и добавил: – Если можно, плесните в чашки немного коньяку.

– У нас из спиртного только пиво, – холодно сказала официантка.

Отец Андрей поглядел на нее своими карими мягкими глазами и сказал:

– Очень жаль. Мы сильно продрогли. Было бы неплохо выпить кофе с коньяком.

На секунду официантка задумалась, и тут произошло маленькое чудо. Официантка вдруг благосклонно улыбнулась дьякону и произнесла вполне доброжелательным голосом:

– Возможно, я смогу что-нибудь придумать.

Отец Андрей улыбнулся в ответ.

– Спасибо.

Когда официантка отошла к стойке, Марго, сощутив глаза, спросила:

– Как это у вас получается?

– Что именно? – не понял дьякон.

– Да вот это... Чем вы ее взяли?

– Не понимаю, о чем вы.

– Ладно, не хотите – не говорите. – Марго откинулась на спинку стула и сказала: – Вижу, вы пользуетесь успехом у официанток.

– Смею вас заверить, что не только у них, – спокойно ответил дьякон.

– Странно слышать такое от служителя церкви, – сказала Марго.

– Я не только служитель церкви, но и мужчина, – ответил отец Андрей, с улыбкой глядя на Марго. – Ничто человеческое мне не чуждо.

Марго отвела взгляд.

– А я-то думала, вы не представляете для меня опасности, – сказала она. – Вижу, с вами нужно держать ухо востро.

– А что, вы тоже клюнули на мои «чары»?

– Вот еще! – фыркнула Марго.

– Что ж, еще не вечер, – заметил отец Андрей. Марго хотела ответить, но дьякон уже принял деловой вид и сказал: – Не могли бы вы дать мне ручку и блокнот?

– Запросто.

После того как Марго выполнила его просьбу, отец Андрей склонился над блокнотом и принялся что-то записывать в столбик. Марго невольно залюбовалась его загорелыми, большими, красивыми руками, затем перевела взгляд на лист и увидела, что это стихи. Те самые, что были на форзаце «Словаря астронома».

– Думаете, это тоже ребус? – спросила Марго.

– Не думаю, а знаю. И кажется, я его уже разгадал.

– Да ну? И что же он означает?.. Хотя, постойте, не говорите. Дайте я сама попробую. Если у вас получилось, то и у меня получится.

Марго вырвала из рук дьякона блокнот и уткнулась взглядом в строчки.

– Итак, начнем сначала, – сказала она. – В стихотворении зашифровано послание, так? Это может быть... ну, например, акrostих. Я иду правильным путем?

– Абсолютно, – кивнул дьякон.

– Если это акrostих, первые буквы строчек должны складываться в фразу. – Марго пробежала взглядом по первым буквам строчек, тихонько шевеля губами, и покачала головой: – Нет, не подходит. Может быть, читать нужно не первые, а последние буквы?.. М-м... Нет, и так не получается. Что же это такое?

– Вы сдаетесь?

– Нет, но требую подсказки.

Отец Андрей улыбнулся:

– Ну хорошо. Это акrostих, как вы правильно заметили. Но акrostих перекрестный. Читать нужно по диагонали.

– Как это?

– Просто. Первая буква – первой строчки. Вторая – второй. Третья – третьей... Четвертая – четвертой. И так далее. Вот, смотрите.

Дьякон снова взялся за ручку и выделил следующие буквы:

Года проходят. Близится конец,
на каждый гроб найдется свой жилец,
не Нужно плоть беречь – вот мой совет
(в беСстрашии большого смысла нет),
коль Бесы, а верней – полки червей
в подЗемных недрах лакомятся ей.
Не ад, не Рай, а грусть на дне стакана...
Усмешка Губ немного истукана.

– Что получилось?

– ГАНСБЕРГ, – озадаченно хмуря брови, прочла Марго. Посмотрела на дьякона. – Похоже на название города.

– Да, похоже, – согласился тот. – А если разбить его на две части, то на имя.

– Ганс... Берг?

Дьякон кивнул.

– Хм... – Марго сдвинула брови. – И кто такой, по-вашему, этот Ганс Берг? Если он вообще существует.

– Не знаю, – задумчиво ответил отец Андрей. – Но полагаю, что его существование – если, конечно, он существует – как-то связано со смыслом стихотворения.

– А у него есть смысл?

Дьякон повернул голову и в упор посмотрел на Марго.

– Конечно, есть. Если исключить некоторые погрешности, вполне оправданные спешкой, то смысл получается следующий. Смерти не избежать, никакого потустороннего мира нет, а есть только тьма небытия. А все попытки человека корчить из себя храбреца перед лицом смерти – бесполезны, если не смешны. Поэтому нужно просто жить и не думать о том, что будет потом. Ну и все такое.

– Довольно банально, – заметила Марго.

– Да. За исключением последней строчки. Она здесь самая интересная, поскольку самая непонятная. Тихомиров говорит о каком-то истукане.

– Истукан... – задумчиво повторила Марго, глядя на листок со стихотворением. – Может, это памятник? Или какой-нибудь манекен?.. Знаете что, давайте позвоним Белкину и спросим, что это за Ганс Берг. Вдруг он знает?

– Что я знаю наверняка, так это то, что наш заслуженный историк спит, и спит крепко.

– Что же вы предлагаете? Обратиться в справочную службу?

Дьякон улыбнулся, затем повернул голову и, прищурившись, посмотрел на длинный ряд компьютеров, стоящих у стены. Марго проследила за его взглядом.

– Намеряете на Интернет? – с сомнением произнесла она. – Вряд ли что-то выйдет, но попробовать стоит. Оставайтесь здесь, дорогуша, а я сейчас!

Журналистка встала из-за стола и направилась к стойке управляющего. Минуту спустя она уже сидела за одним из компьютеров, уверенно отстукивая пальцами по клавишам.

* * *

– Как наши дела? – поинтересовался дьякон, когда Марго вернулась за столик.

– Вот, – ответила Марго, вручая ему блокнот. – Посмотрите, я все записала.

Отец Андрей взял блокнот и прочел вслух:

– Доктор Ганс Берг. Таксидермист. Владелец фирмы «Вечность». Адрес... – Он поднял взгляд на Марго и удивленно повторил. – Таксидермист?

– Угу, – кивнула Марго, допивая остывший кофе. – Вот вам и истуканы. Чучела, набитые соломой! Там, кстати, есть телефончик. Если хотите, можно позвонить этому Гансу-живодеру прямо сейчас.

– Уже поздно, – сказал отец Андрей. – Лучше позвонить завтра.

– Завтра? Да у меня никакого терпения не хватит дожидаться завтрашнего дня! Короче...

Марго забрала у дьякона блокнот и достала из сумочки телефон. Набрав номер, она некоторое время сосредоточенно прислушивалась к гудкам, затем сокрушенно проговорила:

– Не отвечает. Наверное, там уже никого нет. Или лег спать. Или... Алло!.. Здравствуйте! – Марго сделала круглые глаза. – Могу я поговорить с Гансом Бергом?.. Меня зовут Марго, фамилия – Ленская. Я хотела бы заказать вам... Что?.. Да-да, я понимаю... Да я не против. Когда скажете, тогда и подъеду... Что? Какое у меня животное? – Марго посмотрела на дьякона и усмехнулась: – Крупное животное... Да... Да... В восемь. О'кей, я поняла... И вам того же.

Она отключила связь и сунула телефон в сумку.

– Ганс Берг ждет нас завтра, в восемь утра!

– Что ж, у нас есть время еще раз все обдумать и решить, не зря ли мы ввязались в это дело. – Дьякон посмотрел на часы. – Уже поздно. Если не возражаете, я провожу вас до дома.

Спустя полчаса они стояли у двери квартиры Марго.

– Ну что, будем прощаться? – сказала Марго, с улыбкой глядя на смуглое, худощавое лицо дьякона.

– Да, – кивнул он. – Будем прощаться.

Они помолчали.

– Сложный был день, – снова заговорила Марго. – Кстати, я рада, что познакомилась с вами.

– Я тоже рад был узнать вас получше, – сказал дьякон. – В первую нашу встречу вы не очень мне понравились.

Ресницы Марго дрогнули.

– Почему? – спросила она почти обиженно.

– Вы слишком красивы, – виновато ответил отец Андрей. – Обычно красивым женщинам не достает либо ума, либо души и сердца.

– Здорово же вы натерпелись от красивых женщин, если у вас о них такое мнение.

– Да, было дело, – признал дьякон. – Но сегодня...

– Сегодня вы мною очарованы? – весело поинтересовалась Марго.

– Сегодня я в вас почти влюблен! – в тон ей ответил дьякон.

Оба засмеялись, но через несколько секунд снова замолчали. Последняя фраза оказалась слишком двусмысленной, дьякон понял это и слегка стушевался.

– Я... – начал он и снова не смог договорить.

– Вы что-то хотите сказать?

– Да. То есть... нет. Боюсь, я был сегодня слишком навязчив. Да и груб. Постоянно перебивал вас.

– Глупости. Ничего вы не перебивали. И потом, без вас я сроду бы не поняла подсказку про «Метрополь». Да и дожидаться Белкина у меня терпения не хватило бы.

– Выходит, я вам помог, – улыбнулся дьякон.

– Выходит, да.

И они снова замолчали, а потом вдруг оба, как по команде, заговорили:

– Я хотел...

– Я собиралась...

И тут же смолкли, давая другому договорить.

– Совсем разучился разговаривать с женщинами, – досадливо произнес отец Андрей после паузы.

– Вы хотели сказать – «флиртовать»? – уточнила Марго.

– Возможно, и так, – признал дьякон.

– У вас будет время потренироваться. Завтра, когда мы продолжим наши поиски.

Дьякон кивнул:

– Да. Надеюсь, что так. Тогда... – Он посмотрел ей в глаза и договорил мягким, тихим голосом: – До завтра?

– До завтра, – ответила Марго.

Дьякон медленно, словно бы нехотя, повернулся и стал так же медленно спускаться по ступенькам. Марго вошла в квартиру и закрыла дверь, прислонилась к ней спиной. Еще некоторое время она стояла так, вслушиваясь в затихающие шаги дьякона и чему-то тихо улыбаясь в темноте прихожей...

На улице отец Андрей остановился, чтобы закурить. Несколько минут он стоял, глядя на черные силуэты деревьев, и курил. Фонарь освещал лоб и щеку отца Андрея, и в его тусклом, желтом свете лицо дьякона казалось мертвенно-бледным.

Наконец дьякон швырнул окурочек в лужу, вздохнул и быстро зашагал к метро. Черная высокая фигура в длинном, развевающемся на ветру одеянии казалась загадочной, если не зловещей, и заставляла одиноких прохожих испуганно оглядываться. Один подвыпивший крижистый мужичок, торопливо семенящий к дому по мокрому тротуару, даже перекрестился дьякону вслед, а потом, для верности, трижды сплюнул через левое плечо.

Впрочем, отец Андрей, погруженный в свои мысли, не обратил на него никакого внимания.

* * *

Когда отец Андрей лег в постель, было уже около трех часов ночи. В голову, как всегда, полезли всякие мысли, и дьякону пришлось проделать небольшое упражнение на расслабление, которому его научил на экуменическом семинаре один буддийский монах. В сон он погружался медленно, как в теплую воду, время от времени выныривая на поверхность, затем вновь плавно в него погружаясь.

Перед глазами дьякона заколыхалось желтоватое mareво, из которого, все более оформляясь, проступила большая поляна, желтая от увядшей травы. Посреди поляны тянулась серая дорога с поблескивающими кое-где лужами. Сначала дорога была пустынна, затем вдалеке, почти на самом горизонте, появились четыре крошечные фигурки. Ветер донес до слуха обрывки их голосов: один – высокий, юношеский, второй – басовитый, взрослый.

– ...до Москвы, – легким ветром пробежал по траве юношеский.

– ...неблизко, – гудящим порывом отозвался взрослый.

Фигуры неуклонно приближались, но дьякон никак не мог разглядеть лица странников и от этого чувствовал непонятную тревогу. Прямо за спинами приближающейся четверки появилось темное облако. Оно стало быстро пухнуть. Облако становилось все темнее, и наконец, окончательно почернев, заполнило собой весь небосвод, а в его сердцевине запылали кровавые росчерки молний.

На поле и дорогу упала огромная тень, но люди, шагающие по дороге, этого не замечали. Нужно было их предупредить, но отец Андрей не знал как. Наконец они приблизились настолько, что стали различимы черты их лиц.

Отец Андрей смотрел на них как бы сверху, он словно парил в предгрозовом воздухе. Стараясь поближе разглядеть юношу, он птицей спикировал вниз – мелькнуло белое пятно лица, блеснули голубые искорки глаз... и дьякон проснулся.

Некоторое время он лежал в темноте, прислушиваясь к дождю за окном и пытаясь понять, почему странный сон оставил после себя такое тяжелое, неприятное впечатление. Затем включил свет, нашарил на тумбочке сигареты, щелкнул зажигалкой и закурил.

Несколько затяжек помогли успокоиться. Докурив, дьякон затушил сигарету в пепельнице, выключил свет, повернулся на бок и вскоре снова уснул. На этот раз – без сновидений.

Марго в эту ночь спала крепко. Ей снился деревянный дом в маленьком сибирском городке, доброе лицо мамы, ее руки, перепачканные мукой. Снилось, как она, еще совсем маленькая девочка, выдавливает рюмкой маленькие кружочки из раскатанного тонким слоем теста, как быстрые руки мамы укладывают на эти кружочки комочки фарша и ловко сворачивают их в фигурные мешочки. Потом по кухне полз теплый, уютный запах готовящейся еды. Вот папа ставит в холодильник бутылку водки. Мама хмурит брови, но папа твердо отвечает: «К пельменям сам бог велел».

Проснулась Марго с печальным и светлым привкусом ностальгии в душе.

Когда она была в ванной, из комнаты донесся звонок телефона. На ходу вытирая влажные волосы махровым полотенцем, Марго подошла к телефону и сняла трубку.

– Алло, Ленская? – окликнул ее заспанный, недовольный голос майора Синицына.

– Привет! – отозвалась Марго. – Что случилось?

– Ты вчера заходила в «Метрополь»?

– А что?

– Заходила или нет?

– Может, и заходила. А тебе что за дело?

– Советую тебе поскорее убраться из Москвы. И чем дальше, тем лучше. И приятеля своего не забудь прихватить.

– Какого приятеля?

– Того, что в рясе.

Марго откинула со лба влажную прядь и тревожно спросила:

– Да что случилось-то, ты можешь объяснить?

– Тебя и священника засняли на видеокамеру – там, в «Метрополе».

– В «Метрополе»?

– В «Метрополе», в «Метрополе».

– Ну и что? Мы просто беседовали с портье.

– Угу. Вскоре после вашего визита портье уехал домой, а там взял да и помер.

– Как помер?

– Перестал жить. Несчастный случай. Решил побриться кухонным ножом и случайно перерезал себе горло. Такое часто случается.

Марго почувствовала, как у нее вспотела ладонь.

– Какой кошмар, – хрипло проговорила она. – Я тут ни при чем.

– Мне плевать, при чем ты или нет. Дело веду не я. Тобой и твоим приятелем занялись ребята из следственного отдела ФСБ.

– При чем тут ФСБ?

– Это ты мне скажи. Слушай, Марго, во что ты опять вляпалась?

– Ни во что.

– А если подумать?

– О господи, Синицын! Да ни во что я не вляпалась!

– Ну тогда тебе нечего опасаться. Ложись обратно в постельку. Только не удивляйся, если через полчаса к тебе заедут гости и предложат примерить новенькие браслеты. Уверен: у них найдется твой размер. И твой друг священник без их внимания не останется. Кстати, кто он?

– Не твое дело.

– Ну тогда и твоя жизнь – не мое дело. Считай, что и этого звонка не было. Пока!

Марго еще с полминуты стояла перед телефоном с трубкой в руке, нахмутив брови и закусив нижнюю губу. Затем быстро набрала номер дьякона.

– Отец Андрей?

– Да, Марго, здравствуйте. Что-то случилось?

– Портье из «Метрополя» убит. Нас с вами ищут.

Дьякон помолчал.

– Что вы намерены предпринять? – спросил он после паузы.

– То же, что и раньше. Встречаемся возле метро и идем к доктору Бергу. И не забудьте переодеться. Джинсы, свитер, какая-нибудь куртка. Они будут искать человека в рясе.

– Понял. Но они могут узнать и вас.

– Не узнают, я сменю прическу. Через десять минут вы должны убраться из дома. Все, до встречи!

5. Великолепная четверка

1919 год, октябрь

Для заштатного городка с населением в двадцать тысяч человек шинок был не таким уж и скверным. Можно даже сказать – роскошным. Большой зал на двадцать с лишним столиков, сколоченных из прочных дубовых досок, такая же прочная высокая дубовая стойка, из-за которой выглядывала напыщенная, щекастая голова хозяина – маленького, юркого человечка в белой рубашке и шелковой, выдавшей виды жилетке.

Шинок шумел многоголосым хором, дымил дюжиной прокопченных махрой мужских глоток. Дым из редких папирос и наспех свернутых самокруток нависал над столами мохнатыми шубами, а душный, спертый воздух шинка пьянил не хуже горилки.

В прошитом пьяными голосами тумане, подобно юрким подручным сатаны, сновали половые, держа на растопыренных пальцах подносы с выпивкой и закуской. Где-то за завесой дыма надсадно пиликала скрипка. На сцене, сколоченной из свежих сосновых досок, выступала заезжая знаменитость – певица Жозефина, больше известная как Евдокия Васина.

Публика состояла в основном из мужчин. Часть из них была одета в черные мундиры – форму бойцов армии батьки Махно, другая часть – в пиджаки, сюртуки, поддевки, меховые жилеты, в общем – в то, что бог послал. Роднила всех лишь хрустящая кожа портупей с болтающимися на бедрах кобурами.

В самом неприметном углу шинка, за столом, сидел черноволосый мужчина лет тридцати – тридцати пяти, худощавый, но с широкими плечами и мускулистой шеей. Щеки мужчины покрывала густейшая щетина. Черные усы потеряли былую ухоженность, но позорно обвиснуть не успели и все еще не без некоторой лихости топорщились в стороны. Взгляд у мужчины был мутноватый, общее выражение лица – флегматично-философическое. Одет черноусый был в светлое, сильно заношенное летнее пальто, в ворота которого виднелась белая, несвежая рубашка.

На столе перед ним стояла тарелка с ветчиной и вялым соленым огурцом, а рядом – наполовину пустой штоф самогонки. Чуть в стороне лежала светлая фетровая шляпа с мятыми широкими полями.

Мужчина не смотрел ни по сторонам, ни на сцену. Время от времени он флегматично наливал самогонку в кружку, выпивал и, крикнув, так же флегматично закусывал соленым огурцом. Казалось, мужчина был глубоко безучастным ко всему происходящему.

Взяв последнюю, высокую ноту, певица опустила голову и театрально скрестила руки на груди, обхватив пальцами худенькие плечи. Раздались редкие хлопки, выкрики «браво, Жозефина!». В этот момент двери шинка распахнулись, и на пороге, удивленно глядявываясь в махорочный туман, застыл молодой человек.

Внешность у молодого человека была совсем не подходящая для подобного места. Черный пиджачок, белая чистая косоворотка. Светлые волосы аккуратно зачесаны набок, на голове – гимназическая фуражка. По всему видать – бывший гимназист или что-нибудь в этом роде.

Молодой человек обвел зал любопытствующим взглядом, заметил свободное место и решительно к нему направился.

– Вы позволите? – вежливо осведомился он у черноусого.

Черноусый без всякого интереса скользнул взглядом по лицу юноши и едва заметно пожал плечами, как бы говоря: «Делайте как хотите, мне плевать». Расценив это как согласие, юноша сел, скрипнув расшатанным стулом. Несколько секунд он рассматривал черноусого, затем отвел глаза и начал с интересом оглядывать публику. Судя по всему, все это было ему в новинку.

Половой, рыжеволосый парень с тощим лицом, остановился перед столиком юноши и вежливо осведомился:

– Чего изволите?

– Мне... м-м... – Юноша задумчиво наморщил лоб. – А что у вас есть?

– Солянка, щи, котлеты по-киевски... – начал перечислять половой.

– Дайте солянку, – прервал его юноша. – И котлету. И еще... – Тут щеки молодого человека покрылись легким румянцем, и он бросил быстрый взгляд в сторону черноусого. – Самогонки, пожалуйста. Сто грамм.

Половой понимающе улыбнулся, кивнул, споро развернулся на каблучках и удалился.

Юноша продолжил изучение обстановки шинка. Между тем конферансье, одним прыжком вскочивший на струганую сцену, зычно объявил:

– Дамы и господа, к вашим услугам – кумир молодых девушек и престарелых дам! Отважный идальго итальянских и испанских предгорий, господин Петруччио Браккато собственной персоной! Встречайте!

Выдав этот высокопарный бред, конферансье, уставившись в зал и растянув губы в улыбку, энергично захлопал в ладоши.

Черноусый мужчина медленно поднялся из-за стола. Нахлобучил фетровую шляпу на голову и небрежным жестом сбросил с плеч пальто. Под пальто у него оказалась расшитая золотом белая кружевная рубашка, которая (несмотря на несколько потрепанный вид) все еще выглядела нарядной. Тонкая талия черноусого была обмотана широким черным поясом, за которым торчали белые костяные рукоятки ножей. Мужчина вышел из-за стола и неторопливой походкой направился к сцене.

Скрипочка заиграла туш.

Черноусый взошел на сосновый настил, провел рукой по деревянной доске, прибитой к задней стенке сцены, потом отошел на максимальное расстояние от нее и объявил хрипловатым, сочным баритоном:

– Кладу ножи на два вершка друг от друга!

Тут идальго чуть-чуть двинул правой рукой, и два ножа со свистом впились в деревянную доску.

Конферансье подбежал к доске, достал из кармана линейку и отмерил расстояние между ножами.

– Аккурат два вершка! – радостно сообщил он публике.

– Силен! Молодец! Метко бьет! – одобрила публика, наградив артиста редкими хлопками.

Конферансье выдернул из доски ножи и засеменил с ними к черноусому. Тот небрежно взял ножи, повернулся к доске спиной и объявил:

– Латинский крест!

Затем принял устойчивую позу, сосредоточился и метнул через плечо один за другим четыре ножа. Вонзившись в доску, ножи образовали правильный четырехугольник. Черноусый мельком обернулся, одобрительно сам себе кивнул, затем снова отвернулся от доски, пошевелил плечами и сказал:

– Il morso di un serpente! Укус змеи. В центр композиции!

Еще один нож, весело свистнув, вонзился в доску.

Конферансье сделал широкий жест рукой и крикнул:

– Изволите видеть, граждане господа, аккуратно посередке! Следующая часть нашей программы – аттракцион «Испытай судьбу»! Господин Браккато желает повторить подвиг Вильгельма Телля! Желającego испытать судьбу прошу подняться на сцену!

Публика зашумела.

– Нет желающих! Нет таковых! Ищи дураков!

– Е-есть желающий! – сипло проревело из тумана.

От одного из столиков отлепился рослый мужчина с красной мордой. Одет он был в сильно заношенный мундир державной варты с оторванными знаками отличия.

– Я! – громко и пьяно проговорил мужчина. – Желаю испытать судьбу!

Красномордый тяжело взобрался на сцену и остановился перед метателем ножей.

– Полагаюсь на вас, господин идальго, – сказал он, сверля артиста налитыми кровью глазами. И тихо добавил: – Предупреждаю сразу, мусью, промажешь – мои ребята с тебя шкуру спустят.

– Молодец, Белаш! Давай! Не робей! – поддержала красномордого публика.

Красномордый глумливо раскланялся, затем отошел к доске, снял папаху, и конферансье, подобострастно суетясь, положил ему на голову большое желтое яблоко.

Идальго встал на краю сцены и вынул из-за пояса нож. Скрипочка заиграла тревожную мелодию, и публика, ожидая острых ощущений, притихла. Из тумана влажно поблескивали десятки выжидающих глаз.

– Скоро там? – крикнул, ухмыляясь, красномордый. – Или передумали, господин Бракка...

В воздухе свистнуло, блеснуло, и пронзенное ножом яблоко со стуком упало на дощатый пол.

– Bravo! – крикнули из зала. – Ай да идальго! Метко бьет, стервец! Аккурат в яблочко!

Красномордый потрогал голову, посмотрел на расколотое яблоко. Щека его дважды дернулась, рот приоткрылся. Он сглотнул слюну, повернулся к метателю ножей и хрипло, с напускной веселостью произнес:

– Ну что, господин идальго, выходит, судьба ко мне благосклонна. Идемте выпьем по стаканчику первача. Я угощаю.

Артист нахмурился и отрицательно мотнул головой. Красномордый ухмыльнулся:

– Бросьте, идальго. Моя жизнь была в ваших руках. Теперь мы с вами почти что родственники. Извольте пройти за мой столик, если не хотите, чтоб я затаил на вас обиду.

Артист подумал, пожал плечами, повернулся и стал неторопливо спускаться по ступенькам. Красномордый двинулся за ним. Он чуть-чуть посторонился, давая пройти поднимающейся на сцену Жозефине, а когда она прошла, шлепнул ее по ягодице и со смехом проговорил:

– А ну, братва, какие тут любители персиков – налетай!

Шутка была встречена грубым хохотом и непристойными выкриками. Несколько секунд Жозефина в упор смотрела на красномордого, затем, ни слова не говоря, размахнулась и влепила ему звонкую пощечину.

Измученная физиономия красномордого стала похожа цветом на вареную свеклу.

– Мне? – хрипло и гневно проговорил он, выкатывая на певицу красные, мутные глаза. – По роже? Ординарцу батьки по роже? Да я тебя... – Он схватил девушку за руку и рывком притянул к себе.

Жозефина вскрикнула и заколотила кулачками по его груди, вызвав у публики новый приступ веселья.

– Давай, Белаш! – ревела публика. – Покажи этой б...!

Красномордый, пользуясь поддержкой публики, прижал певицу к себе и звучно поцеловал ее в губы.

– Эй! – крикнул вдруг из зала высокий голос. – Не слышите, что ли? Господин с красной рожей, я к вам обращаюсь!

Белаш ослабил хватку и удивленно завертел головой.

– Что такое? – недоуменно спросил он.

– Поднимать руку на женщину – низко! – повторил тот же голос.

– Чего-о?

Из махорочного тумана вынырнул молодой человек.

– Бить беззащитную женщину – это низость. А вы – негодяй и подлец!

Несколько секунд красномордый изумленно смотрел на юношу в гимназической фуражке. Затем ухмыльнулся и проговорил:

– Ишь какой выискался. «Низко» ему. А ты кто такой, что мне указываешь? Я вот сейчас сниму ремень и отхлестаю тебя по тому месту, каким ты табуретку к полу прижимаешь. Не слишком «низко» будет, а?

Публика одобрительно загоготала.

Лицо юноши вспыхнуло, словно ему на щеки плеснули киновари.

– Милостивый государь, повторяю: вы – подлец! – громко и четко объявил он.

Белаш оттолкнул от себя певицу и двинулся на юношу.

– Ну все, хлопцы, – глухо рычал он. – Играйте траурный марш. Сейчас я этому щенку уши отстрелю.

Он уже был в шаге от наглого юноши, когда ленивый голос за его спиной произнес:

– Эй, Белаш!

Голос этот – негромкий и спокойный – был такого рода, что на него невозможно было не оглянуться. Красномордый остановился как вкопанный и медленно повернул голову. Черноусый метатель ножей, до сих пор стоявший возле сцены, смачно зевнул, показав два ряда белых, крепких зубов, и сказал:

– Силен лаять на щенка, а ты поучи волка.

– Господин идадьго? – хрипло проговорил Белаш, таращась на артиста и как бы его не узнавая. – А вы какого черта лезете? Может, хотите ответить вместо него?

– Хочет молодой кочет, – ответил на это метатель ножей. – А взрослый петух как решит, так и вскочит.

С этими словами он достал из кармана брюк вороненый «маузер» и брякнул его на край сцены. Белаш обвел взглядом притихшую публику, снова посмотрел на метателя ножей и осклабился.

– Фигурно выражаетесь, господин артист. Что ж, ваши уши не хуже, чем у этого щенка. Я с удовольствием их вам отстрелю.

Белаш выхватил из кобуры «кольт» и наставил его на метателя ножей.

– Это что же, хлопцы, дуэль? – оживилась публика.

– Делаем ставки! – послышались голоса. – Ставлю «маузер» на Белаша!

– Отвечаю персидским кисетом!

– Серебряные часы на Белаша!

– Латунные шпоры! Шапку! Золотую цепку! – перебивая друг друга, возбужденно загалдели мужчины.

Белаш приблизил свое пухлое, красное лицо к черноусой физиономии метателя ножей и поинтересовался с холодной и колючей уверенностью в голосе:

– Со скольких шагов предпочитаете драться, господин идадьго?

Черноусый небрежно подвигал подбородком – влево и вправо – махнул рукой, обозначая расстояние от двери до стойки.

– Господа, господа! – заволновался хозяин шинка. – Прошу вас, успокойтесь! У меня приличное заведение! Хотите убивать друг друга – воля ваша, но, ради бога, делайте это на улице!

Белаш даже не посмотрел в его сторону, лишь брезгливо поморщился и бросил через плечо:

– Пшел прочь, вахлак! Я продырявлю этого наглеца прямо здесь. Здесь нагадил, здесь и ответит. Вы как, господин Петруччио? Не брезгуете деревянным настилом? Или вам удобней на свежую травку?

Артист небрежно пожал плечами и зевнул.
– Прекрасно! – сказал Белаш. – В таком случае – на позицию!
Хозяин прижал ладони к груди и жалобно проблеял:
– Господа, умоляю вас, цельтесь поточнее! Ванька, – повернулся он к половому, – убери бутылки с полок! И крепче держи, свинья! Уронишь – башку откручу!
– Ну что, господин идадьго, – сказал Белаш, – готовы?
Вместо ответа артист снова зевнул. Публика притихла. Из-за ближайшего столика вскочил казак и крикнул:
– Стреляться будете по моей команде! По шестому шагу от барьера! Приготовьтесь!
Белаш и артист повернулись друг к другу спинами.
– Пошли! Один... Два... – считал шаги казак.
Дуэлянты двинулись к противоположным стенам шинка. Но выстрелить им было не суждено. На третьем шаге дверь шинка распахнулась и через порог, озирая задымленную залу гневным взглядом, переступил невысокий человек в кителе.
– Прекратить! – властно крикнул он. – Немедленно!
– Батько! – выдохнуло несколько глоток.
Вошедший был щуплым человеком с длинной гривой черных волос и бледным, нервным лицом. На переносице его поблескивали кругляшки очков в серебряной оправе.
Он остановился перед черноусым и, бегло осмотрев его, спросил:
– Кто таков?
Артист, в свою очередь, смерил атамана спокойным взглядом и ничего не ответил.
– Это идадьго, циркач, – с готовностью объяснил Белаш. – Ножи в деревяшку кидает.
Атаман бросил на Белаша недобрый взгляд, затем прищурил на метателя ножей сухие, блестящие глаза и уточнил:
– Артист?
– Так точно, батько, артист, – снова пояснил Белаш.
Уголки губ вошедшего слегка дернулись.
– Почему молчит? Немой?
– Да нет, батько, наоборот, – шибко разговорчивый. Сеял смуту. Контрреволюционер!
– Господин военный, – быстро заговорил, выдвинувшись вперед, юноша в фуражке, – этот человек...
– Молчать! – жестко приказал атаман. Снова повернулся к красномордому Белашу и спросил: – Мальчишка с ним?
– Так точно, батько, с ним.
– Обоих в сарай, – быстро распорядился атаман. – Если действительно сеяли смуту – на рассвете расстреляем.
– Верно, батько, – одобрительно вякнул Белаш. – К стенке их, и делу конец!
Атаман вперил в Белаша острые и цепкие, как рыболовные крючки, глаза, и тот осекся.
– С тобой мы позже разберемся, – сухо проговорил он.
– Батько, я...
Атаман его больше не слушал, он взял с ближайшего стола бутылку с горилкой и вышел из шинка.

* * *

Артист лежал на охапке сена, закинув ногу на ногу, и с задумчивым видом разглядывал носок сапога. Сапог этот явно и недвусмысленно «просил каши». Юноша стоял подле него с убитым видом.

– Ну вот, – бормотал юноша. – Видите, как все получилось. – Он вздохнул и взъерошил ладонью светлые волосы. – Это все из-за меня. Ну ничего, ничего. Вы только не расстраивайтесь. Мы что-нибудь придумаем. Мы обязательно что-нибудь придумаем.

Артист посмотрел на него снизу вверх и ничего не сказал.

– Спасибо, что не остались в стороне, – продолжил спотыкающимся от смущения голосом юноша. – Я бы, конечно, и сам справился, но раз уж вы вступились...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.